

ПЕРЕПИСКА с В. Я. БРЮСОВЫМ

1895—1915

Вступительная статья и публикация А. А. Нинова

Литературные и личные отношения Бунина и Брюсова имеют свою историю, до сих пор недостаточно разъясненную¹. Воспоминания и автобиографические заметки Бунина позднейшей поры, где имя Брюсова возникает неоднократно, далеко не исчерпывают реальной истории их отношений, особенно если принять во внимание глубину отчужденности, с которой Бунин после революции писал о некоторых прежних своих друзьях и знакомых. Личная переписка многое ставит на свои места. Она свободна от ретроспективных смещений, свойственных мемуарам, которые характеризуют скорее итоги человеческих отношений, чем их процесс.

За перепиской Бунина и Брюсова стоят очень разные характеры, резко несхожие писательские индивидуальности. Письма их сохраняют и доказательства близости и следы глубоких взаимных расхождений. В переписке зияют многолетние перерывы, полосы глухого молчания. Причины тому не только личные. Сложные обстоятельства общественной жизни и литературной борьбы развели Бунина и Брюсова по разным станам. Однако в биографии каждого, да и в истории русской поэзии их отношения составляют своеобразный и содержательный эпизод.

В дневниках Брюсова имя Бунина упоминается впервые среди декабрьских записей 1895 г. К этому времени и относится начало их знакомства. «В январе 1895 года, — подтверждает Бунин, — бросив службу, я впервые попал в Петербург, видел некоторых писателей, Михайловского, Кривенко, который отнесся ко мне с истинно-отеческой нежностью. В этом же году я познакомился в Москве с Чеховым, с Бальмонтом, с Эртелем, с Брюсовым, тогда еще студентом»².

Для Брюсова 1895 год был годом шумного, даже скандального литературного дебюта. Он выпустил в Москве свой первый лирический сборник «Chefs d'oeuvre» (1895), а также три выпуска альманаха «Русские символисты» (1894—1895), затейного как дерзкий вызов традициям и демонстрация истинных образцов «новой поэзии». Ближайшими соратниками Брюсова были Иван Коневской, Александр Добролюбов, А. Л. Миропольский (Ланг) и некоторые другие начинающие поэты. Критика осыпала московских «декадентов» и символистов насмешками и привлекала к ним общее внимание публики. Так или иначе, «новая школа» была провозглашена, и, как свидетельствует сам Брюсов, с выходом его первой книжки «шум около моего имени учетверился. Я был всенародно предан „отлучению от литературы“, и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет, приблизительно на целый „люстр“ (5 лет)»³.

Молодой Брюсов чувствовал себя одиноким вождем гонимой поэтической школы и был рад каждому новому потенциальному союзнику. Бунин же только присматривался к литературной среде, и из числа молодых столичных поэтов выделил Бальмонта и Брюсова как наиболее талантливых. Различия в литературных вкусах и привязанностях не помешали их дружескому сближению.

В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин припомнил, что в первый раз он ездил к Брюсову вместе с Бальмонтом; Брюсова не оказалось дома, а на следующий день Бальмонт получил от него записку: «., Очень жалею, что не застали, Бунин, хотя и не *символист*, но настоящий поэт...» Помяну, — продолжает Бунин, — что и тогда это рассмешило меня. Позднее я мельком видел Коневского и Добролюбова. Они произвели на меня впечатление больных мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе, благодаря и болезненности своей и кое-чему прочитанному»⁴.

В записях 1927 г. Бунин детализировал первое впечатление, вынесенное им от знакомства с Брюсовым и московскими декадентами. Оценки Коневского и Добролюбова остались неизменными, а в портрете Брюсова появились новые саркастические штрихи почти памфлетного свойства. Усиление негативной оценки отражает, без сомнения, позднейшие чувства Бунина. Вместе с тем в этой характеристике содержатся подробности, весьма существенные для понимания истории их отношений.

Бунин подчеркивает, что в словах молодого Брюсова все было «крайне революционно (в смысле искусства), — да здравствует только новое и долой все старое! Он даже предлагал все старые книги дотла сжечь на кострах, „вот как Омар сжег Александрийскую библиотеку!“ — воскликнул он. Но вместе с тем для всего нового у него уже были жесточайшие, непоколебимые правила, уставы, узаконения, за малейшие отступления от которых он, видимо, готов был тоже жечь на кострах. И аккуратность у него, в его низкой комнате на антресолях, была удивительная. Я попросил у него на несколько дней какую-то книгу. Он странно сверкнул на меня из своих твердых скул своими раскосыми, бессмысленно блестящими, как у птицы, черными глазами и с чрезвычайной галантностью, но и весьма резко отчеканил: — Никогда и никому не даю ни одной из своих книг даже на час!» (т. 9, стр. 287—288).

Бунин отметил реальное противоречие, существовавшее между вызывающими, анархическими декларациями молодого Брюсова и его фактической литературной практикой. Поэт, начинавший с бунта против «всего старого», готовый казался бы сжечь все старые книги на кострах, с величайшей аккуратностью и любовью хранил свою библиотеку, не рискуя отдавать из нее что-либо даже на час! С особым усердием Брюсов переводил в это время с латинского «Энеиду» Вергилия, новых и старых французских поэтов, занимался рукописным наследием Тютчева, Каролины Павловой и др. Тут проявилась коренная черта мировоззрения Брюсова, его истинное отношение к поэтической традиции, к культуре, к знаниям, свойственное в гораздо большей степени просветителю-энциклопедисту, чем анархисту и декаденту, каким представлялся Брюсов для тех, кто судил о нем лишь по его литературной позе.

С конца 1890-х годов, когда Бунин начал регулярно бывать в Петербурге и в Москве, его отношения с Брюсовым стали более тесными, при том что личные встречи между ними оставались редкими. Тогда же Брюсов признался Бунину: «Мне странно писать к вам, уважаемый Иван Алексеевич, хотя я и часто возвращаюсь к вам в мыслях: для меня вы как призрак. Мы виделись мало, ваш образ дополнил я по воспоминаниям, по рассказам, вероятно и воображением. Говоря с вами, не убежден, что вы слышите мой голос» (п. 10).

Голоса друг друга Бунин и Брюсов все же имели возможность слышать. Они встречались несколько раз в Петербурге после похорон Я. П. Полонского. Тогда же, на похоронах, К. К. Случевский предложил всем поэтам собираться по пятницам у него, как прежде собирались у Полонского. Эти «пятницы», на которых бывали литераторы разных поколений и школ, поэты называли своей академией. На одно из таких собраний Брюсов, Бунин и Бальмонт явились вместе. По обычаю, следовало поднести хозяину свои книги, а затем слушать и читать стихи⁵.

Из трех молодых поэтов Бунин выделялся явной старозаветностью своих реалистических вкусов. О его спорах с товарищами при встрече в Петербурге свидетельствует дневниковая запись Брюсова 14 декабря 1898 г.: «Вчера обедали с Бальмонтом и Буниным. Бунин на меня сердился. Еще раньше у нас был полуспор по поводу стихов Гиппиуса:

Снова зверь в лесу возникнет,
Птица в чаще леса крикнет...

Бунин не признавал, что можно сказать „зверь возникнет“, я над ним смеялся, а он сердился: „Не понимаю, не понимаю... надо говорить человеческим языком“... Сегодня в том же роде мы спорили. Но при всем том Бунин из лучших для меня петербургских фигур, он — поэт, хотя и не мудрый»⁶.

Разногласия по поводу стихов Владимира Гиппиуса затрагивали один из основных вопросов поэтики. Бунин настаивал на предметной точности слова в поэзии, нормой

для него оставалась внятность поэтического языка, конкретность смысловых и эмоциональных оттенков. Брюсов, напротив, считал такое отношение к слову архаичным. Он доказывал, что поэзия должна уходить от обычного значения слов к их таинственному эмоциональному ореолу, находить такие музыкальные и образные сочетания, которые воздействовали бы на душу надсмысловыми средствами. Именно в таком способе воздействия на читателей, а не в символах, видел Брюсов отличительную черту символизма ⁷.

Через несколько дней после петербургской встречи и споров с Буниным Брюсов выслал ему из Москвы свои первые книги — «Chefs d'oeuvre» и «Me eum esse» (см. п. 2) — это было как бы продолжением диалога и практическим утверждением своей литературной позиции. Среди стихотворений второго сборника Бунин едва ли обошел вниманием декларативное брюсовское обращение:

Юноша бледный со взором горящим!
Ныне даю я тебе три завета.
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

.....
(«Юному поэту», 1896)

Ни один из этих заветов Бунин не мог бы целиком принять в качестве основы для творчества. Его собственные представления об искусстве сложились под воздействием общественно-эстетических принципов, органичных для реалистической школы русской поэзии, наследником которой Бунин себя ощущал. Однако XIX в. был на исходе, литература жила вихрями перемен, и многообразные искания современников не остались для Бунина «закрытой книгой». Тут обнаруживаются самые неожиданные и сложные взаимоотношения, характерные для эпохи. И в поэзии Брюсова Бунина занимали не столько декларации «новой школы», сколько ее реальный опыт, практические открытия, относившиеся и к лирическому содержанию, и к форме русского стиха, переживавшего самую глубокую со времен Пушкина художественную реформу.

Русские символисты заново открыли для соотечественников западную поэзию XIX в., в особенности новейших европейских поэтов, и как раз эта сторона их деятельности представляла для Бунина особый интерес. За время своего недолгого участия в редактировании «Южного обозрения» (1898—1899) Бунин напечатал в газете, кроме нескольких оригинальных стихотворений Брюсова, подборку его переводов из Роденбаха («Болезнь»), Жана Мореаса («Я родился у ропотного моря...»), Эверса («Я дышу твоей душою...»), Приска де Ландель («Нищие»), Верлена («Небо над этой крышей...»).

Перевод стихотворения «Нищие» был запрещен московской цензурой (см. п. 5). В Одессе его удалось напечатать ценою изъятия наиболее резкой пятой строфы:

Мы томимся, мы — в слезах,
Вы же — горды и богаты...
В день торжественной расплаты
Мы раздавим вас во прах!

Подосадовав на цензурные строгости, Бунин отдал должное и этому переводу, и общей увлеченности, с какой Брюсов отдавался поэзии и искусству: «Стихотворение очень хорошее, — писал Бунин, — как и все почти (за исключением отдельных выражений) из присланного вами. Дай вам <бог> успеха и хорошего труда, дорогой Валерий Яковлевич, — вы истинно любите искусство, и уже одно это свидетельствует о том, что вам надо работать!» (п. 6).

Хотя отношения Бунина и Брюсова с самого начала складывались как отношения художников разных поэтических школ, различие убеждений и склонностей до известной

поры не мешало их заинтересованному диалогу. Несомненно, что Бунина и Брюсова сближала широта общекультурных интересов, внимание к богатствам мировой поэзии, активное отношение к ее традициям. Бунин разделял также концепцию политической «незаинтересованности» искусства, преобладания «вечного» над историческим и злободневным, которую Брюсов развивал в своих ранних выступлениях.

«Кто изучает по произведениям искусства время и его особенности, — усматривает в искусстве не существенное, а второстепенное», — утверждал Брюсов в своем трактате «О искусстве»⁸. Там же он доказывал, что в смене художественных школ есть общий смысл — «освобождение личности». Брюсов последовательно развивал идею раскрепощения внутренних сил личности, исходя из примата души над внешним миром, сознания над бытием. Он считал, что романтики первыми начали борьбу против стеснений личности, но не довели ее до конца, поскольку, как и реалисты, оставались в плену действительности, доступной внешним чувствам, стремились создавать образы «на подобие тех, какие встречаются в жизни»⁹.

Бунина не слишком тревожили склонности и убеждения молодого Брюсова. К эстетическим законоположениям символизма он был равнодушен; мистические туманности декадентства его сердили. Зато в лучших стихах Брюсова он ценил лирическую откровенность поэта, стремившегося полно и верно выразить свою душу.

В конце 1890-х годов талант Брюсова заметно окреп, его голос в русской поэзии зазвучал более уверенно и страстно. Книга Брюсова «*Tertia vigilia*» (1900) была отмечена рецензией М. Горького; стихи из нее произвели сильное впечатление на Блока¹⁰.

Один из циклов книги «*Tertia vigilia*» — «Картинки Крыма и моря» — Брюсов посвятил Бунину. Это посвящение было не только знаком признательности Бунину, который первым напечатал брюсовские стихи в общей периодике («Что бы там ни было, — признавался Брюсов в дневнике, — все же это первые мои стихи, напечатанные не мною самим»¹¹). В «Картинках Крыма и моря» Брюсов сделал шаг навстречу Бунину и как художник. Здесь впервые он отнесся без предвзятости к природе, к пейзажу, отдался непосредственным впечатлениям действительности.

Сам Брюсов подтвердил потом: «Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, „соскочило“, и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, расстилаемых горными склонами...»¹². Крымские стихи Брюсова («Волны взбегают и пенятся...», «У перекрестка двух дорог...», «Где подступает к морю сад...» и др.) по своему строю и стилю гораздо ближе к реалистической пейзажной живописи, чем к символическим преображениям природы, характерным для его ранней поэзии («На журчащей Годавери...» и пр.). Эта стиливая ориентация цикла подчеркнута дружеским посвящением Бунину.

Преобладающее значение в «*Tertia vigilia*» имела, однако, не лирика природы, а своеобразная «поэзия города» — важнейшая и новая тема Брюсова, в разработке которой он был наиболее самобытен. По отношению к Бунину и его поэзии «урбанизм» Брюсова выступал особенно разительным контрастом, здесь они оставались антиподами, и Брюсов этого не скрывал: «Вы не любите городской весны, — писал он Бунину, — а моим раздумьям она ближе, чем грязь в деревне и голые сучья обеснеженного леса. Мы мало наблюдаем город, мы в нем только живем и почему-то называем природой только дорожки в саду, словно не природа камни тротуаров, узкие дали улиц и светлое небо с очертаньями крыш. Когда-нибудь город будет таким, как я мечтаю, в дни отдаленные, в дни жизни, преисполненной восторгом. Тогда найдут и узнают всю красоту телеграфных проволок, стройных стен и железных решеток» (п. 5). «Город» Брюсова был, конечно, подготовлен близкими мотивами из Верлена и Верхарна, но на русской почве столь убежденный и последовательный урбанизм был новостью.

В переписке между Буниным и Брюсовым оживленно обсуждаются литературные вопросы, завязывается полемика, споры о поэзии и прекрасном. В письме 18 апреля 1899 г. Бунин пылко отозвался на урбанизм Брюсова: «Понимаю прелесть весны и в городе, но в горах, на море, в степи, право, лучше, — для меня по крайней мере. Уж слишком часто оскорбляет город грязью, толпой и т. д.» (п. 6).

БУНИН

Портрет работы Л. В. Туржанского (масло), 1905
Литературный музей, Москва

Брюсовской поэзии городской весны, проникающей сквозь сети проволок и потемневшие кучи сколотого льда и снега («В борьбе с весной редет зимний холод...», 1899), Бунин противопоставляет красоту естественной природы, вечно сохраняющей свою чистоту и свежесть.

Прошли дожди, апрель теплеет.
Всю ночь — туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синее
В далеких просеках в бору.

И тихо дремлет бор зеленый.
И в серебре лесных озер —
Еще стройней его колонны,
Еще свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!

(«После половодья», 1900)

Спор, начатый Брюсовым, не был им выигран — по крайней мере в стихах. Бунин обладал гораздо более сильным и органичным чувством природы, и соперничать с ним в этой области было особенно трудно. Однако диалог поэтов захватывал гораздо более широкий круг проблем и вопросов. В конце января или в начале февраля 1900 г. Брюсов записал в дневнике:

«В Москве Бунин и Перцов. С Буниным виделся раза три. Он гораздо глубже, чем кажется. Иные размышления его о человечестве, о древних египтянах, о пошлости

всего современного и позоре нашей Науки — даже сильны, производят впечатление. В жизни он, кажется, очень несчастен...»¹³.

1900—1901 гг. — время наибольшего сближения Брюсова и Бунина. Переписка освещает любопытные подробности их отношений в этот период. Для Брюсова закончилась пора «оглучения» от литературы. К началу века символисты уже вышли из положения «отверженных», они создают свои собственные печатные органы и во все больших масштабах начинают диктовать публике свои вкусы и взгляды. Их литературная продукция находит повышенный спрос на журнальном и книжном рынке, переживавшем необыкновенное оживление накануне первой буржуазно-демократической революции в России.

Символизм занял заметное место в литературном движении начала века, поскольку он выражал эстетический бунт против действительности, совпадавший до известной меры с политическим протестом буржуазной мысли, с традиционными притязаниями индивидуализма, восстающего против изживших себя полуфеодалных ограничений. Радикально-демократическая и социалистическая мысль по традиции связывала свои надежды в литературе с художественным реализмом, и не случайно между основными литературными течениями накануне первой русской революции завязалась резкая и острая борьба.

Весною 1900 г. на средства С. А. Полякова было создано новое издательство «Скорпион», фактическим редактором которого стал Брюсов. В недрах «Скорпиона» возник сначала альманах «Северные цветы», а затем журнал «Весы», где Брюсову также принадлежала решающая редакторская роль. Большую часть печатной продукции «Скорпиона» составляли произведения символистов, хотя с первых же дней существования нового издательства Брюсов, с присущим ему размахом, осуществлял программу издания книг из области истории литературы, отечественной и зарубежной. В его планах — подготовка новых материалов к биографии Пушкина, сочинений Баратынского, Каролины Павловой и др. «Скорпион» обещал публике заново исполненные переводы из античных и современных европейских писателей — Вергилия, Новалиса, Эдгара По, Мицкевича, Ибсена, Пшибышевского, Верхарна, Гамсуна, а также собрания избранных сочинений трех создателей французского символизма — Поля Верлена, Стефана Малларме и Артура Рембо. «В связи с этим, — говорилось в каталоге издательства, — „Скорпион“ переиздает в новых переводах классические сочинения тех писателей старых литературных периодов, которые являлись предшественниками и предвестниками новейших течений в искусстве»¹⁴. В различных эпохах и направлениях мирового искусства Брюсов стремился найти литературных союзников. Он пересматривал традиции и создавал новые концепции художественной ответственности в интересах утверждения собственной поэтической школы.

Первыми авторами «Скорпиона» из современных русских писателей стали К. Бальмонт, А. Добролюбов, И. Конева, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, А. Белый, Ю. Балтрушайтис, А. Миропольский (Ланг). При содействии Брюсова деловые отношения со «Скорпионом» установил также Бунин, искавший в это время издателя для нового сборника своих стихов.

В конце августа 1900 г. Брюсов отметил в дневнике: «Был у меня вечер. Были: Бальмонт, Бахман с женой, Поляков, Балтрушайтис с женой, Ю. Бартенев, Ланг и случайно зашедший Бунин. <...> Бунин продает рукопись своих стихов „Скорпиону“¹⁵. Читаю их»¹⁵.

В тесной компании «скорпионов» Бунин был действительно «случайно зашедшим» гостем; его больше связывали личные отношения с Брюсовым, чем общие интересы московского кружка. Рукопись бунинских стихотворений, предложенных «Скорпиону», не могла, конечно, служить образцом «новейших течений» русской поэзии, зато издание ее служило демонстрацией широкого литературных мнений и вкусов «новой школы», что было совсем небесполезно для самих издателей, особенно на первых порах.

Так или иначе Брюсов был одним из первых читателей рукописи будущей книги «Листопад», одобренной им и выпущенной «Скорпионом» к началу 1901 г. Переписка Бунина и Брюсова содержит многочисленные деловые подробности, связанные с этим

изданием. В каталоге «Скорпиона» книга «Листопад» была оценена как «первое обширное собрание стихов Ив. Бунина», где «ясно выразилась тонкая и чуткая душа этого поэта — мечтателя и наблюдателя природы»¹⁶. Оценка, очевидно, принадлежала Брюсову (наиболее вероятному составителю каталога), однако она не вполне исчерпывала его истинное отношение к новым бунинским стихам. Последнее обстоятельство выяснилось чуть позже, когда Брюсов вернулся к характеристике «Листопада», но уже с иными тактическими целями.

В биографии Бунина-поэта «Листопад» занимает примерно такое же место, как «Tertia vigilia» в поэтической судьбе Брюсова. Именно эти сборники, каждый по-своему, укрепили среди современников литературную репутацию того и другого поэта. Отмечая цельность и простоту стихов Бунина, Блок признал за автором «Листопада» «право на одно из главных мест среди современной русской поэзии»¹⁷.

Поэтические достоинства «Листопада» были почти единодушно признаны критикой, однако книга послужила основой для многих ходячих формул, сопровождавших затем творчество Бунина в течение многих лет. «И выходило так, — сокрушался Бунин, — что нет писателя более типайшего („певец осени, грусти, дворянских гнезд“ и т. п.) и человека, более определившегося и умиротворенного, чем я. А между тем человек-то был я как раз не тишайший и очень далекий от какой бы то ни было определенности: напротив, во мне было самое резкое смешение и печали, и радости, и личных чувств, и страстного интереса к жизни, и вообще стократ сложнее и острее жил я, чем это выразилось в том немногом, что я печатал тогда» (т. 9, стр. 264—265).

Ко времени выхода «Листопада» Бунин действительно был далек от какой-либо определенности. Он свободно перемещался по разным «литературным мирам», испытывал противоречивые тяготения, и его истинный путь и действительные отношения с веком не вполне ясно представлялись ему самому. Это чувство общественной и личной неприкаянности отчетливо выразилось в одном из центральных стихотворений сборника «Листопад», так и названном — «На распутье». Стихотворение посвящено В. М. Васнецову и на первый взгляд воспринимается как простое поэтическое переложение фольклорного мотива, послужившего основой известной картины «Витязь на распутье».

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротиться домой.
Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг,—
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...»

В зачине стихотворения Бунин строго следует за фольклорным источником, однако истинным субъектом его является не былинный «витязь» васнецовской картины, а сам поэт, осознающий реальный драматизм трудного и бесповоротного выбора, предстоящего ему в новом веке.

И ужели нет пути иного,
Где бы мог пройти я, не губя
Ни надежд, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?..

Начатое как бы от лица героя древнего эпоса, стихотворение переходит в личное излияние мятущейся души поэта¹⁸. Прошедшее время замещается настоящим, третье лицо — первым. Последняя строфа стихотворения «На распутье» содержит недвусмысленное личное признание:

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

Такой поворот былинного мотива не был новостью для русской поэзии. В книге Брюсова «*Tertia vigilia*» можно найти совершенно аналогичные опыты лирической трансформации легендарного или исторического материала. Причем Брюсов начал эти опыты раньше и сумел выразить в них самые разнообразные оттенки своего лирического чувства. Речь идет о большом историко-мифологическом цикле «Любимцы веков», где от лица героев минувших эпох («Ассаргадон», «Моисей», «Скифы», «Старый викинг» и др.) автор давал полную волю собственному лиризму. Историко-мифологические сюжеты Брюсова оживляло вполне современное, осознанно субъективное содержание. От лица «сильных героев» прошлых веков, людей страсти и действия, Брюсов проецировал в стихах собственное «я». Для русской поэзии той поры это было открытие, мимо которого не прошел и Бунин, хотя его собственные «личные чувства» имели совсем иной эмоциональный состав.

Если Брюсов в «*Tertia vigilia*» посвятил Бунину свой пейзажный цикл «Картинки Крыма и моря», то Бунин в «Листопаде» ответил Брюсову стихотворением «В отъезжем поле», отмеченным характерными чертами лирической стилизации в национальном духе (ср. «На распутье», «Вирь», «Ковыль», «Из сказки» и др.). Посвящение Брюсову указывает на реальные связи, существовавшие между поэтами-современниками. Бунин варьирует в стихотворении типично брюсовскую тему, тему «страсти», хотя страсть эта особая — охотничья, и она естественно входит в поэтический узор «Листопада». Впоследствии Бунин снял заключительную третью строфу, где эта тема формулируется непосредственно:

Старых предков я наследье чую,
Зверем в поле осенью ночую,
На заре добычи жду... Скучна
Жизнь моя, расцветшая в неволе,
И хочу я слепо в диком поле
Силу страсти вычерпать до дна!

В отличие от Брюсова поэтическим принципом Бунина была сдержанность, и при позднейшей правке он отказался от прямой декларации «страсти», сократив стихотворение до двух строф, рисующих картину раннего утра и псовой охоты с неотразимой достоверностью конкретных деталей:

Вот и утро! — В колеях дорог
Грязь чернеет, лужи зазелели...
Томно псы голодные запели...
Встань, труби в холодный, звонкий рог!

Как видим, Бунин не отказывался вовсе от энергии чувства. При необходимости он готов был полной грудью протрубить в «холодный, звонкий рог», но общее впечатление от стихов Бунина стремился усилить сжатостью, тесным соединением сферы лирики с предметно-живописными элементами. В этом отношении его художественная система и лирика Брюсова уже к началу века расходились достаточно далеко. Со временем это расхождение стало еще более резким.

Отношения Бунина с издательством Полякова и Брюсова обещали принять более регулярный характер в связи с выпуском альманаха «Северные цветы», к подготовке которого «Скорпион» приступил в конце сентября 1900 г. «Альманах, замысленный „Скорпионом“, — записал тогда же Брюсов, — прельстил почему-то Бунина, и у него началась погоня за литераторами, стали мы „альманашиками“». Бунин писал Максиму Горькому. Тот отвечал: „Альманах? — могу“¹⁹.

Когда подготовка первой книжки альманаха подошла к концу, в отношениях между Брюсовым и Буниным возникли неожиданные осложнения. Внешним поводом для них послужил тот факт, что имя Бунина не было повторено в очередном объявлении о выпуске «Северных цветов на 1901 год». Причина же, судя по бунинскому письму 5 февраля 1901 г., таилась гораздо глубже (см. п. 25). Сам Бунин не вполне представлял, с чего началось это явное охлаждение. Книга Брюсова «*Tertia vigilia*» произвела на него сильное впечатление. Брюсова и его группу к моменту выхода «Листопада» Бунин еще рассматривал как немногих (если не единственных) литературных союзников. Обо всем этом он написал Брюсову с полной откровенностью:

«Что-то произошло между мной и вами, или, вернее, между вами и мной. Прекрасно, — это ваше дело — относиться ко мне так или иначе. Но неужели между нами ничего не осталось, как между художниками? Вы, конечно, отлично знаете, что с моей стороны этого нет. Я, вникнув в вашу книгу, за последнее время отношусь к вам, как к поэту, с еще большим уважением, чем прежде; вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом. Или вы думаете, что дело обстоит иначе?..» (п. 25).

Недоразумение по поводу участия в «Северных цветах» разрешилось очень скоро. Рассказ Бунина «Поздней ночью», присланный в самый последний момент, был незамедлительно включен в альманах. Осталось другое — все более резкое расхождение во вкусах и взглядах, которое Брюсов почувствовал раньше и острее Бунина и которое он не находил нужным скрывать: «Когда я узнал вас впервые, я неожиданно полюбил вас. После — да, вы правы, — подтвердил Брюсов в письме к Бунину, — я видел в вас что-то, что мне не по душе. Только ведь об этом в письмах не сговориться. Тут нужен голос, взгляд, все, что в стихах заменено размером, и без чего проза бессильна. Будем надеяться на новые встречи и новые стихи» (п. 26).

Следует отметить, что Брюсов проницательно уловил скрытый смысл стихотворения Бунина «На распустье», тем более, что основной его лирический мотив он мог с полным правом отнести и к самому себе. В начале июля 1901 г. Брюсов написал Бунину откровенное письмо. В неотправленном черновике этого письма остались слова, которых Бунин никогда не узнал: «Я на распустье. Более, чем вы, даже в тот день, когда „сумрачно и важно“ сидел на кресте черный ворон. Я на распустье и в жизни и в душе. О жизни не интересно. А о душе вы знаете. Мне дано искушение, которого я не ожидал. Передо мной открыта торная дорога, и я уже сделал по ней немало шагов. Еще чуть-чуть опустить голову, еще чуть-чуть подладиться под чужой голос, ах, как все станет тогда просто. Но менее всего я хочу быть сейчас самим собой. Мой облик мне сейчас самое ненавистное»²⁰.

Мысли, вызванные бунинским стихотворением, годились больше для дневника, и Брюсов не стал доводить их до сведения адресата. По существу же его признание подтверждало, что принятый им литературный облик («ассирийского мага», «аргонавта», искателя «золотого руна» и пр.) начинал все больше тяготить его, поскольку противоречил новым, более серьезным задачам и целям, которые он ставил перед собой в поэзии. Брюсов в эти годы действительно переживал приливы глубокой внутренней неудовлетворенности собой, приступы острых сомнений в правильности избранного пути. Порываясь к жизни, к современности, он хотел быть услышанным не только «градом» своих ближайших со товарищей по искусству, но и всем «миром» русских читателей. Свою новую книгу стихов 1900—1903 гг. Брюсов так и назвал — «Ugri et ogri» («Граду и миру»). Однако положение вождя «новой школы» обязывало. Брюсов не собирался рвать со «Скорпионом», напротив, он делал все, чтобы расширить его влияние. Перед решающими битвами первой русской революции литературная полемика обострилась, и Брюсов включился в нее с полным сознанием своей литературно-общественной и теоретической позиции.

Оказавшись на распустье, Брюсов и Бунин круто разошлись. Об усилившихся разногласиях между ними свидетельствует запись в брюсовском дневнике (сентябрь 1901 г.): «Приехал в Москву Бунин и пришел ко мне. Сказал, что сидел в Ялте, вдруг затосковал и, не дожидаясь парохода, поспешил на север. На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т. д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи»²¹.

Осенью 1901 г. Бунин сделал последнюю серьезную попытку закрепить сотрудничество со «Скорпионом» новыми изданиями своих книг (см. п. 35). Попытка эта не увенчалась успехом, а в октябре 1901 г. Бунин уже вел переговоры с Горьким и Пятницким об издании своих произведений в «Знании»²². Фактически к 1902 г. Бунин сделал свой выбор, сменив один литературный фланг на другой. В автобиографии он подтвердил, что после издания «Листопада» со «Скорпионом» «очень скоро разошелся, не

возывем никакой охоты играть с моими новыми сотоварищами в аргонавтов, в демонов, в магов и нести высокопарный вздор...» (т. 9, стр. 264).

Расхождение Бунина и Брюсова ускорили некоторые выступления печати, которые лишь подливали масло в огонь начавшейся ссоры. К числу таких выступлений принадлежала статья Сергея Глаголя «Поэт русского пейзажа», где похвалы Бунину как автору «Листопада» сопровождались колкими выпадами против «новых течений» в русской поэзии, в частности, против Валерия Брюсова и Александра Добролюбова.

«К какой же, однако, категории поэтов следует отнести Бунина? — задавался вопросом критик. — К поэтам ли нового слова в искусстве, или к старым? Судя по тому, что он удостоился внимания книгоиздательства „Скорпион“, надо полагать, что гг. *новые* сопричисляют его все-таки к лику гг. Брюсовых и Добролюбовых. Но с таким же правом мы можем сопричислить его и к *старым* и прямым последователям Пушкина и Лермонтова, с их звучным и дивным стихом. Впрочем, пусть новые считают его, если хотят, *своим* и даже пошли им создатель побольше таких *своих*. Только не надо их смешивать с гг. Добролюбовыми»²³.

При оценке формальных достоинств бунинского стиха С. Глаголь допустил, однако, элементарные ошибки в вопросах стихосложения, и Брюсов незамедлительно воспользовался этим для резкого и точного ответного удара. Так появилось его письмо в редакцию — «Новое открытие в стихосложении», где, вслед за С. Глаголем, Брюсов процитировал строки из стихотворения Бунина «Ковыль»:

Холодеет ночь перед зарею,
Опускаясь низко над землею.
Заросла бурьяном степь на воле...

«Смеем уверить г. Глаголя, — писал Брюсов, — что эти стихи написаны самыми обыкновенными хорейми, и в них совершенно излишне выскрывать амфибрахий и анапесты, да еще „трехстопные“ (г. Глаголь хотел, вероятно, сказать „трехсложные“, а, может быть, он и не знает, что такое — стопа). С равным успехом г. Глаголь мог бы усмотреть анапест, ямб и амфибрахий и в Пушкинских хорейх:

Невидимкою луна
Освещает снег летучий...

Всем, кто любит поэзию, должно быть горько, когда за разбор стихов берутся люди, до такой степени к этому неподготовленные»²⁴.

На следующий день после опубликования брюсовской реплики одна из московских газет в редакционной заметке «Ценитель» также поправила С. Глаголя, но проявила, в свою очередь, незнание предмета²⁵. Брюсов вновь обнажил клинок для удара в другую сторону и поместил в «Русском слове» вторую реплику²⁶. Сам Брюсов остался доволен этими полемическими заметками. В конце 1901 г. он отметил в дневнике: «По поводу одной рецензии на Бунина в „Курьере“ — поместил два едких „письма в редакцию“ в „Русском слове“ против „Курьера“ и против „Новостей дня“ (№ 315 и 317). Попал в самый нерв, напечатали охотно»²⁷.

Спор об отношении Бунина к «новым поэтам» не завершился полемикой вокруг «Листопада», и Брюсов воспользовался первым подходящим случаем, чтобы перейти от защиты к нападению. В его библиотеке сохранилась книжка Бунина «Новые стихотворения» (1902), составленная из стихов, написанных после «Листопада». Внимание Брюсова привлек, в частности, известный сонет «В Альпах» («На высоте, на снеговой вершине...»), который в первоначальной редакции заканчивался словами:

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в вечерний час сонет
Лишь для того, кто бродит на вершине.

Брюсов отчеркнул последние три строки стихотворения и приписал на полях: «Характерные стихи. Совершенно нелепая задача стилетом вырезать целый сонет, т. е. 14 строк на льду. И увы! поэт сам признает, что это было в Альпах. Там по вершинам бродят вовсе не поэты, а туристы. Это ошибка г-на Бунина»²⁸.

В. Я. БРЮСОВ

Фотография С. В. Шицмана. Москва, начало 1900-х годов
Литературный музей, Москва

Язвительное замечание на полях явилось как бы зерном рецензии, которую Брюсов, скрывшись под прозрачным псевдонимом «Аврелий», поместил в журнале «Новый путь». Рецензия эта примечательна решительной переоценкой «Листопада», изданного при прямом редакционном участии Брюсова, и еще больше недвусмысленными обвинениями в «заимствовании» у тех самых «новых» поэтов, над которыми критика возвышала Бунина в качестве хранителя традиций и недостижимого мастера поэзии.

«Первый сборник стихов г. Бунина „Листопад“ был записной книжкой наблюдателя, — утверждал Брюсов. — „Да, это бывает“ — вот все, что можно было сказать о его первых стихах. В „Новых стихотворениях“ г. Бунин неожиданно переходит на иную дорогу. Он перенимает темы парнасцев и первых декадентов <...> К своим новым темам Бунин относится совершенно так же, как раньше к природе. По-прежнему его стихи остаются вне его личности и вне его жизни. Только сферой его „наблюдений“ стали уже не поля и взморья, а книги и преимущественно сборники стихов. Своим наблюдательным взором г. Бунин подмечает у действительно *новых* поэтов красивые приемы, красивые образы, красивые чувства — и воспроизводит их, даже не без некоторого мастерства. Если первые его стихи могли иметь значение для ценителей „стихов о природе“, то „новые стихотворения“ будут несомненно интересны тем, кто не знаком с их иностранными и русскими оригиналами <...> Образцы г. Бунина — это вчерашний день литературы. Характерны для него стихи о том, как он вырезал

„стальным клинком сонет“ на какой-то альпийской вершине. — „Смотрело только солнце, как стилет чертил мой стих по изумрудной лдыне“, — гордо сообщает г. Бунин и прибавляет, что его стихи вырезаны „лишь для того, кто бродит по вершине“. Увы! то, что г. Бунин считает вершинами, — не более, как модные „климатические станции“, куда давно проведены удобные funiculaire'ы. Там „бродят“ только туристы с бедекерами в кармане и биноклями в руках. Несомненно для них-то и вырезал г. Бунин свой стих „стиллетом“ на лдыне, и произошло это событие отнюдь не на высотах Гауризанкара или Эльборуса, а, наверное, где-нибудь на Пилатусе или Риги-Кульм»²⁹.

Брюсов не мог ошибиться насчет места создания бунинского сонета — в его домашней коллекции писем хранилась открытка Бунина из Риги-Кульм, содержащая совершенно точные указания на источники будущего стихотворения (см. п. 16). Общая мысль сонета показалась Брюсову слишком знакомой; идея «избранности» поэзии, открытой лишь посвященным, давно превратилась в одну из расхожих идей декадентов, хотя совсем не ими она была впервые сформулирована и провозглашена. Альпийский колорит сонета Брюсов превратил в предмет насмешки, оценив стихотворение с предельной трезвостью и рационализмом.

Общий тон брюсовской рецензии не оставлял никаких сомнений, что вчерашние друзья и союзники превратились в литературных противников. Личные отношения между Брюсовым и Буниным в это время совершенно прекратились, переписка оборвалась. Наезжая в Москву, Бунин теперь избегал компаний и мест, где обычно бывал Брюсов. Появление Брюсова на одном из собраний «Среды» вызывает со стороны Бунина сердитое недоумение. 9 февраля 1903 г. он пишет Н. Д. Телепову: «Что „Среды“? Что значит присутствие на них Брюсова, этого высокомерного болвана, так нагло отделавшего меня в „Новом пути“ под фамилией „Аврелий“ (Валерий?)»³⁰.

Рецензию Брюсова Бунин запомнил надолго. Кое-что он учел при стилистической правке стихотворения. В последующих изданиях изменен неловкий оборот «кто бродит на вершине», осмеянный Брюсовым. Бунин отказался также от названия «В Альпах»; приглушив локальный оттенок, он усилил общую мысль стихотворения, а в своей автобиографии, более десяти лет спустя, нашел нужным защитить свой сонет от давних упреков: «... некоторые критики уже заговорили было о моем „увлечении декадентами“ и усердно цитировали мой сонет „В Альпах“, мысль которого, в сущности, была совсем не нова, — подобна мысли того самого сонета Пушкина, где сказано: „услышишь суд глушца“ ...» (т. 9, стр. 264).

К середине 1900-х годов от прежних отношений Бунина и Брюсова мало что осталось. Взаимное предубеждение ширилось и росло, как свежий ком. Между группой «Скорпиона» и участниками «Знания» шла открытая война, и полемика «модернистов» с «реалистами» достигла высокой степени накала.

Весной 1906 г. Брюсов опубликовал статью «Карл V. Диалог о реализме в искусстве». Статья оригинально задумана: это теоретический разговор в редакции по поводу пьесы «Карл V», предложенной Автором для опубликования в журнале. Автор пьесы защищает теоретические принципы реализма, ему отвечают Издатель, Поэт, Критик и Мистик, представляющие эстетику «новых течений» и отвергающие пьесу как «не символическую», хотя за ней и признаются достоинства правдивой исторической трагедии. Позицию самого Брюсова было бы ошибочно отождествлять целиком с точкой зрения кого-либо из участников диалога; для него доля истины содержится в утверждении каждого, и это в принципе соответствовало брюсовскому философскому «плюрализму» — признанию множественности противоречивых истин (см. п. 5, примеч. 6).

Крайне жесткую и непримиримую позицию в этом споре занимает Издатель. Он весь во власти моды, и решающим аргументом для него является не столько достоинство художника само по себе, сколько его ориентация и практический успех. «Заметьте, — говорит Издатель, — что все настоящие современные художники — символисты. Все, что в современной литературе чуждо символизму, — не настоящее! Это не априорные утверждения, это показывает нам опыт. Возьмите современную русскую поэзию. Есть ли хоть один талантливый поэт, который не примкнул к нам? Или вы считаете Аполлона Коринфского, Ратгауза, Ивана Бунина, Скитальца или Тана в самом деле поэтами?»³¹.

Когда-то Брюсов признал, что Бунин «хотя и не символист, но настоящий поэт»; десять лет спустя брюсовский Издатель превратил это утверждение в противоположное: все, что в современной литературе чуждо символизму, — не настоящее! А поскольку Бунин — не символист, он, разумеется, не «настоящий поэт»... Столь формальная логика едва ли казалась вполне убедительной самому Брюсову, и от лица Автора, которому надлежало как-никак «защищать» реализм, он уточняет аргументацию Издателя: «Этих господ (то есть Аполлона Коринфского, Ратгауза, Ивана Бунина, Скигальца и пр.— А. Н.) я, подобно вам, истинными поэтами не считаю, но в своем рассуждении вы делаете логическую ошибку»³² и т. д.

Иначе говоря, далеко расходясь в общих эстетических убеждениях, спорящие стороны вполне соглашались с тем, что Иван Бунин к числу настоящих поэтов не принадлежит. Фактически это была крайняя оценка самого Брюсова, высказанная в момент, когда по отношению к Бунину он занимал позицию полного и сознательного противостояния. Брюсов тех лет по существу уравнивал реализм в поэзии с натурализмом, и эта подмена оставалась едва ли не главным оружием нападения Поэта, Критика и Мистика.

Оставляя реализму лишь неосмысленное «воспроизведение» действительности, Поэт в статье Брюсова отчуждает в исключительную монополию символизма важнейшую функцию всякого искусства — истолкование и осмысление жизни, познание глубинной сути явлений: «Реалисты не более как наблюдатели, что-то вроде фотографических аппаратов. Символисты — всегда мыслители, истолкователи жизни. Реалисты в своих произведениях оставляют вас, как и в жизни, лицом к лицу с природой. Символисты ставят между вами и природой посредствующее звено: тайну своего творчества»³³. Характер этой «тайны» разъясняет Мистик, который видит в искусстве способ заглянуть в «иные миры», недоступные рациональному истолкованию и объяснению³⁴.

Брюсов в 1906 г. был далек от того, чтобы привести свою теоретическую концепцию к полному единству. Как ни парадоксально, но именно Автор, отстаивающий реализм, находит наиболее сильные аргументы и против чрезмерных притязаний символизма, и в защиту «истинных реалистов», которые, конечно, должны «заглядывать в самую глубину явлений, а не скользить взглядом по их поверхности»³⁵. Общий итог брюсовского диалога заключался скорее в сближении общих принципов современного искусства, чем в разделении особых эстетических платформ, исключающих друг друга.

Последнее слово в статье Брюсова принадлежит Автору, который напоминает финское поверье, утверждающее, что назвать предмет его настоящим именем — значит заколдовать его, приобрести над ним полную власть. «Задача искусства — искать настоящие имена для предметов и явлений мира. Художник не может сделать большего, как верно воспроизвести действительность, хотя бы и в новых, фантастических сочетаниях ее элементов. Кому не довольно этого, пусть оставит искусство и ищет иного в науке, в философии, в теургии, где хочет. Старайся быть правдивым в своем творчестве — вот вечный и единый завет поэту: правдивым и в замысле своего произведения, и в его отдельных частях, и в каждом образе, и в каждом выражении. Ищи лишь этого, пытай у души своей лишь одного: где правда. А прочее все приложится тебе»³⁶.

Полемический трактат Брюсова заключал в себе разные точки зрения и, что существеннее, открывал возможности разных прочтений — в зависимости от того, какая из теоретических установок принимается за исходную. В эволюции самого Брюсова эта статья означала отход от крайностей субъективистской эстетики и приближение к более рациональному истолкованию отношений искусства с действительностью. В практическом плане Брюсов был на пути к более объективной и зрелой критике, характерной для нового периода его творчества.

Надо думать, что Бунин обратил внимание на брюсовский диалог о реализме в искусстве — во всяком случае, уже в июльском номере «Русской мысли» за 1906 г. он поместил стихотворение «Мистику», которое служит как бы прямым ответом одному из участников этого диалога. Бунин нисколько не сочувствовал идее, признающей реальный мир, доступный чувственному восприятию, лишь отблеском «иного мира», непостижимого разумом человеческим. И разум, и чувственное восприятие сохраняют для Бунина всю свою суверенность, надежность; как поэт, он готов на них положиться

вопреки мистическому страху перед «бездной», перед непознанным, перед таинственным.

Философию «мистика» Бунин ставит в ряд с незрелостью ребяческого ума, склонного в темноте нарушать реальные отношения вещей и приписывать простым и несомненным явлениям самые фантастические черты. Высшая мудрость поэта, по Бунину, — не в зажмуривании глаз перед неизвестным, а в бесстрашии осмысленного восприятия:

Теперь давно мистического храма
Мне жалок темный бред:
Когда идешь над бездной — надо прямо
Смотреть в лазурь и свет.

С появлением символистского журнала «Весы» (1904—1909) Брюсов получил собственную трибуну для регулярных критических выступлений. Издатели «Весов» сознавали особый характер направления своего журнала, который отталкивался как от старого консервативного лагеря в литературе («Русский вестник», «Новое время»), так и от новых сил, имевших своих выразителей в «Знании» и в отдельных социал-демократических изданиях. В каталоге журнала на 1907 г. говорилось: «„Весы“ идут своим путем между реакционными группами писателей и художников, которые до сих пор остаются чужды новым течениям в искусстве (получившим известность под именем „символизма“, „модернизма“ и т. п.), и революционными группами, полагающими, что задачей искусства может быть вечное разрушение без строительства»³⁷.

В действительности претензии на фактическую независимость и свободу от противоборствующих общественных сил были чистой иллюзией, и литературные чаши «Весов» резко колебались то в одну, то в другую сторону. Как ни велика была, в частности, роль Брюсова в определении журнальной позиции «Весов», эта позиция никогда не была целиком тождественна его собственной: «Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что „Весы“ никогда не были „моим“ журналом, и никто мне не поверит, — признавался Брюсов Бальмонту. — Даже в области чисто редакционной я никогда не имел возможности делать вполне, что хотел...»³⁸. Интересы отдельных участников «Скорпиона» и его издателя С. А. Полякова расходились порой достаточно далеко, и Брюсов должен был считаться с условиями, от которых зависело самое существование «Весов» как журнала. На протяжении всех пяти лет «Весы» оставались органом узкой литературной группы и были крайне чувствительны ко всему, что относилось к области группового престижа.

В поздних записях Бунин отметил особую пристрастность оценок и мнений, бывавших на страницах этого журнала: «А как обмеривали, как обвешивали эти „Весы“! Вес „своих“ всегда оказывался огромный, вес чужих — смехотворный. Например, все участники „Знания“ назывались в „Весях“ неизменно „всероссийскими бездарностями“» (т. 9, стр. 292).

Ожесточение литературной борьбы враждующих лагерей не исчерпывало, впрочем, реальных отношений конкретных людей, за ними стоявших. Вспоминая о полемике начала века между «модернистами» и реалистами, М. Горький в статье «О пользе грамотности» (1928) все же признал, что «враги читали и знали друг друга; и если А. А. Блок писал рецензию, скажем, о Горьком, так Горький в этой рецензии находил кое-что технически-полезное для себя»³⁹.

То же самое Бунин мог бы сказать о рецензии Брюсова в «Весях», впервые после разрыва написанной всерьез, без привходящих полемических целей. В первом номере журнала за 1907 г. Брюсов поместил обзор новых сборников стихов, среди которых были выделены книги К. Бальмонта «Злые чары» (изд. «Золотого Руна». М., 1906) и Ив. Бунина «Стихотворения 1903—1906 гг.» (изд. т-ва «Знание». СПб., 1906). Брюсов вернулся к оценке творчества двух поэтов, рядом с которыми прошла его поэтическая молодость. За прошедшие годы Бальмонт остался для Брюсова в числе «близких», Бунин перешел в разряд «далеких». Тем не менее суд Брюсова на этот раз был достаточно объективен по отношению к обоим.

Отметив, что Бальмонт в течение целого десятилетия «царил над русской поэзией», Брюсов все же признал, что расцвет его творчества — в прошлом. Основной недо-

статок «Злых чар», по Брюсову, — «отсутствие свежести вдохновения»: «Бальмонт повторяет сам себя, свои образы, свои размеры, свои приемы, свои мысли». «Ив. Бунин во многом противоположен Бальмонту, — писал Брюсов дальше. — Насколько Бальмонт в своей поэзии „стихийно-разрешенный“, настолько Бунин — строг, сосредоточен, вдумчив. У Бальмонта почти все — порыв, вдохновение, удача. Бунин берет мастерством, работой, сознательностью. По духу Бунин ближе всего к французским парнасцам, чуждым жизни и преданным своему искусству. Поэзия Бунина холодна, почти бесстрастна, но не лучше ли строгий холод, чем притворная страстность? Бунин понял особенности своего дарования, его ограниченность, и, как кажется, предпочитает быть господином у себя, чем терпеть неудачи в чужих областях. Мы, по крайней мере, ставим в особую честь Бунина (особенно принимая во внимание ту литературную группу, к которой он примыкает), что в переживаемые нами годы он не стал насиловать своей поэзии, не погнался за дешевыми лаврами политического певца, а продолжал спокойно идти своим путем».

Рецензент высоко оценил в новой книге Бунина картины природы, «зоркую вдумчивость» и «мечтательную наблюдательность» поэта. Такие стихи, как «С обрыва», «На даче», «На ущербе» («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»), Брюсов отнес к «безупречным созданиям искусства». Вместе с тем он отметил и примеры неудачных, риторических строк, и «мучительные прозаизмы» Бунина, и определенную архаичность его стиха: «Стих Бунина, в лучших вещах, отличается чистотой и ясностью чеканки. Но, если можно так выразиться, это — ветхозаветный стих. Вся метрическая жизнь русского стиха последнего десятилетия (нововведения К. Бальмонта, открытия А. Белого, искания А. Блока) прошла мимо Бунина. Его стихи (по их метру) могли бы быть написаны в 70-х и 80-х годах»⁴⁰.

Кое-что существенное в поэтическом облике Бунина (хотя далеко не все) Брюсову удалось схватить верно, и его небольшая рецензия имела заметное влияние на многих, кто позднее писал о поэзии Бунина более пространно. Сам Бунин не соглашался, конечно, с определением своей поэзии как холодного мастерства, близкого французским парнасцам, и в автобиографии, не называя имени Брюсова, прямо откликнулся на его рецензию: «Бросив через некоторое время прежние клички, некоторые из писавших обо мне обратились, как я уже говорил, к диаметрально противоположным — сперва „декадент“, потом „парнасец“, „холодный мастер“...» (т. 9, стр. 265).

Бунин ответил также на упрек, что он в своей поэзии оставил без внимания метрическую жизнь русского стиха новейшего периода. Как показал один из исследователей, этот упрек по сути был не вполне справедлив: многие метрические нововведения современников Бунина и заметил и хорошо усвоил⁴¹. Сам Бунин, однако, полемизировал иначе. В одном из интервью 1912 г. он заявил: «Русская поэзия остановилась в своем развитии на Фете, Ал. Толстом. А последние пятнадцать лет представляют пустое место. Мне говорят, что форма стиха сделалась теперь совершеннее, рифма богаче, поэтические образы смелее... Все это в высшей степени спорно, зачастую рискованно, а главное, искусственно и неприятно. Если сравнить того же Пушкина, „солнце русской поэзии“, с существующими стихотворцами (я не буду называть имена), то... какое может быть сравнение? У кого из современных поэтов вы найдете более музыкальный стих, чем, положим, в стихотворении „Для берегов отчизны дальней“, или разве встретите в русской поэзии последних лет такие смелые, мощные образы, как в пушкинском „Обвале“. Что касается разнообразия размера или богатства рифмы, то и в этом отношении трудно спорничать хотя бы с Меем или Минским. Разница та, что у последних все просто и естественно, в то время как нынешние блещут надуманными стихотворными „ухабами“. Мне думается, я буду прав, если скажу, что поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха»⁴².

Бунин тем самым еще раз подтвердил, что с Брюсовым и «новыми течениями» его разделяют не внешние и случайные обстоятельства, а вся концепция развития русской поэзии — от содержания и языка до стихотворного метра. При всей своей «классичности», Бунин был современником тех самых «нынешних», с которыми спорил и по неволе оказывался в теснейших литературно-эстетических взаимоотношениях.

Несомненно, что Бунин уловил разницу между раздраженным отзывом Брюсова на его «Новые стихотворения» («Новый путь», 1903, № 1) и достаточно объективной по тону рецензией на «Стихотворения 1903—1906 гг.» («Весы», 1907, № 1). И если первый отзыв послужил поводом для прямого разрыва, то вторая рецензия (при всех несогласиях автора с рецензентом) открывала возможность для личного примирения, по крайней мере была шагом к нему.

Примирение поэтов произошло в 1910 г., когда Брюсов начал редактировать литературный отдел «Русской мысли» и первый обратился к Бунину с просьбой о сотрудничестве. С этого времени, после длительного перерыва, возобновилась переписка Бунина с Брюсовым.

В переписке последних лет уже нет былой интимности, откровенности, она носит по преимуществу деловой характер. Оба поэта стали маститыми, приобрели большой вес и авторитет в литературном мире. Последний эпизод переписки связан с подготовкой в 1915 г. «Поэзии Армении» — заветного брюсовского труда, в который он вложил огромные силы сам и к которому привлек внимание наиболее выдающихся русских поэтов того времени — А. Блока, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Вяч. Иванова и других.

Внешнее примирение несколько не сгладило внутренней неприязни, которую Бунин испытывал к поэзии Брюсова и ко всему направлению русского символизма, к «старшим» и «младшим», как они успели заявить о себе на протяжении двадцати лет. Задолго до революции Бунин заявил о своем неприятии «новых течений» русской поэзии; к 1917 г. многолетний процесс идейно-эстетической поляризации был фактически завершен. Это подтверждала и критика, не упускавшая случая подчеркнуть противоположные тенденции современной литературы.

В связи с выходом новых сборников Бунина и Брюсова («Господин из Сан-Франциско» и «Семь цветов радуги») Вл. Крапихфельд опубликовал в начале 1917 г. статью «Целомудрие и экспансивность», в которой еще раз сопоставил хорошо знакомые русской публике литературные имена: «Бунин... Брюсов... Что нового можно сказать об этих двух мастерах слова, с вполне установившимися писательскими физиономиями и репутациями? Что еще не сказанное можно прибавить к их оценкам, когда, по-видимому, все слова уже сказаны, все основные элементы их художественного творчества намечены и взвешены? Разве „Господин из Сан-Франциско“, предлагающий читателю ряд новых, еще неизведанных им эстетических переживаний, сулит ему в то же время и нового, еще никому не ведомого художника? Разве в „Семи цветах радуги“ перед нами не тот же хорошо нам знакомый Брюсов, со всеми его прежними достоинствами и недостатками?»⁴³

Статья Вл. Крапихфельда была замечена Буниным — среди собранных им газетных вырезок есть экземпляр с его пометой⁴⁴. Но хотя автор статьи отдавал явное предпочтение Бунину как художнику слова, последний едва ли был удовлетворен ее содержанием по существу. С Брюсовым-поэтом у Бунина были старые счеты, и он не разделял мнения, что об одном из «вождей» русского символизма «все слова уже сказаны» и к оценке его творчества уже нечего прибавить. Напротив, после выхода в свет брюсовского сборника «Семь цветов радуги», Бунин взялся за критическое перо, чтобы устроить форменный «разнос» его поэзии.

Так возникли заметки Бунина о поэзии Брюсова⁴⁵, в которых он поставил перед собой один основной вопрос: «Чем именно Брюсов положил начало своей известности, за что возведен он был в „символисты“ и новаторы, что он представлял из себя в молодости, в пору самых смелых „дерзаний“?»⁴⁶.

Пользуясь примененным уже им в недавние годы приемом⁴⁷, Бунин цитирует более семидесяти стихотворений Брюсова и с помощью язвительных подчеркиваний и саркастических комментариев, стремится создать впечатление, что творчество поэта полно претенциозности и выспренности, пристрастия к саморекламе и «демонической» изысканности. Он обрушивается на брюсовскую эротiku, на излюбленное им сочетание мотивов любовной страсти и смерти. Без всякой пощады Бунин выворачивает наизнанку красоту брюсовского стиля, дешифрует «магию слов» и обнаруживает за ней «пустословие», банальность, дурной литературный вкус. Характерен у Бунина прием

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ
БУНИНА «В АЛЬПАХ»

10 ноября 1902 г.

Лист с фотографией Бунина из
альбома, подаренного членами
«Среды» И. А. Белоусову к двадца-
тилетию его литературной
деятельности (1902)

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

цитирования. Выбирая из стихотворения разрозненные строки, он сознательно разрушает «музыку» стиха, тот эмоциональный ореол, который у символистов нередко преобладает над прямым значением слова.

Свои заметки Бунин строит по преимуществу на примерах из ранней поэзии Брюсова, но он стремится вместе с тем вынести приговор вообще искусству символизма, каким оно сложилось еще в 1890-х годах. «Точно ли это искусство — символизм? — задавался вопросом Бунин. — Точно ли это „искусство“ было „новым искусством“ даже в ту пору, в девяностых годах? Отчасти — да: никогда еще в русскую литературу не входило столько „французского“, бульварного, как тогда. Но и только»⁴⁸.

Возникает вопрос: прав ли был Бунин в своем суде? И да, и нет. Он был прав как поэт безупречного литературного вкуса, знавший вес строки и цену отдельного слова и умевший отличать действительную поэзию от изощренных стихотворных имитаций. Он был прав, находя в поэзии символистов проявление болезненного кризиса эгоцентрически настроенной личности, демонстративный отказ от моральных и эстетических норм классического искусства.

Бунин, однако, не оценил и не мог объективно оценить общую историческую тенденцию развития наиболее крупных поэтов-символистов, как и значение всего новейшего этапа в истории русской литературы, связанного с буржуазно-демократической перестройкой русского общества и русской культуры в конце XIX — начале XX в. Бунин последовательно игнорировал то, что составляло сильную сторону исторического сознания и художественной системы Брюсова, Белого, Блока и что определяло существенные черты их поэзии. Характерно, что в своих заметках о Брюсове Бунин полностью обошел его стихи о современности, все то, что связывало Брюсова с настоящим и будущим России, а не с болезненными настроениями европейского декадентства «конца века».

В бурном событиях 1917 г. Бунин с возрастающей враждебностью оценивает представителей разных флангов русской литературы, резко отталкиваясь и от своих вче-

рашних литературных союзников, и от своих давних противников-символистов. Среди черновых заметок о Брюсове сохранилась выразительная бунинская запись, обращенная и к тем, и к другим: «Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это „новая“ литература, „добыча золотого руна“! Копиисты, архивариусы! Подражание друг другу. Да что же! Так легче писать...»⁴⁹

Долгое время Брюсов и Горький олицетворяли для Бунина противоборствующие рати новой русской литературы, разные по цвету литературные знамена. Теперь все общественные знаки сместились, и Бунин сознательно объединяет несоединимые фигуры своих современников в один литературный ряд. В момент разлома «новой» русской литературы, когда уже не эстетика, а политика определяла дальнейшие пути каждого, сам Бунин оказался в глубоком одиночестве, общественном и личном. И опять, как в молодости, он мог бы повторить строки своих стихов:

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...

Бунин сам сделал свой конечный выбор. Его разрыв с Брюсовым был подготовлен всей историей их отношений. Разрыв с Горьким, вызванный глубочайшим политическим кризисом 1917—1918 гг., усугубил одиночество, в котором Бунин оказался накануне эмиграции. Так логически завершилась сложная эволюция Бунина между основными общественно-литературными полюсами дооктябрьской поры.

Переписка Бунина с Брюсовым сохранилась неполностью. Из 30 дошедших до нас писем Бунина 28 хранятся в ИРЛИ (автографы; ф. 444, ед. хр. 5), 2 письма (п. 34 и 37) — в ГБЛ (автографы; здесь же находятся машинописные копии всех писем, хранящихся в ИРЛИ; ф. 386. 79.11). 16 писем Брюсова хранятся в ЦГАЛИ (автографы и машинопись с авторской подписью; ф. 44, оп. 1, ед. хр. 65); черновики трех из этих писем — 5, 10 (две редакции) и 33, а также авторская копия п. 36 — находятся в ГБЛ (ф. 386.70.13). Телеграмма Брюсова Бунину (п. 44) хранится в ГМТ (№ 968).

Из 47 известных писем 18 были опубликованы в разных изданиях (с неточностями): четыре письма Бунина (4, 6, 25, 27) и три письма Брюсова (10, 38, 45) — «Литературная Россия», 1963, № 51, 20 декабря; десять писем Брюсова (2, 3, 5, 7, 9, 26, 32, 33, 36, 47) — сб. «Брюсовские чтения 1963 года» (Ереван, 1964); п. 44 (телеграмма) и отрывок из заметок Бунина о стихотворениях Брюсова процитированы в статье С. Л. Гольдина (см. примеч. 1).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Статья С. Л. Гольдина «К вопросу о литературных связях В. Брюсова и И. Бунина» впервые ввела в оборот некоторые выдержки из их неопубликованной переписки, а также поздний отзыв Бунина о поэзии Брюсова, имеющийся в ГМТ («Брюсовские чтения 1962 года». Ереван, 1963, стр. 178—179). Однако фактическая история отношений Бунина и Брюсова представлена в статье крайне упрощенно, с досадными искажениями, без учета основных материалов, относящихся к теме.

² Б у н и н. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 262. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием только тома и страницы.

³ Валерий Б р ю с о в. Автобиография. В кн.: «Русская литература XX века». 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова, т. 1. М., 1914, стр. 110.

⁴ Б у н и н. Собр. соч. 1915, т. 6, стр. 328.

⁵ Валерий Б р ю с о в. Дневники 1891—1910. М., изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927, стр. 54. Далее при ссылках: «Дневники».

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ См.: «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896». (К истории раннего символизма). М., 1927, стр. 48.

⁸ Валерий Б р ю с о в. О искусстве. М., 1899, стр. 19—20.

⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰ М. Г о р ь к и й. Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова. — «Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября; Александр Б л о к. Собр. соч., т. 8. М.—Л., 1963, стр. 39.

¹¹ «Дневники», стр. 74. См. также п. 3 и 4.

- ¹² В. Я. Брюсов. Детские и юношеские воспоминания. Примеч. Н. С. Ашукина. — «Новый мир», 1926, № 12, стр. 120.
- ¹³ «Дневники», стр. 80.
- ¹⁴ Каталог книгоиздательства «Скорпион». М., 1902, стр. 6.
- ¹⁵ «Дневники», стр. 90.
- ¹⁶ Каталог книгоиздательства «Скорпион». М., 1902, стр. 7.
- ¹⁷ Александр Блок. Собр. соч., т. 5. М.—Л., 1962, стр. 141.
- ¹⁸ Эта строфа, как и ряд других, была позднее исключена Буниным. Стихотворение «На распутье» было особо выделено Горьким при первом знакомстве со сборником «Листопад»: «Не скрою,— писал он Бунину,— мне хочется видеть в ваших стихах больше таких звуков, как в „Витязе“, да, но — „всякому свое, а наибольшая тому честь, кто во всем весь“» («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 19). Безосновательное предположение, будто Горький имел здесь в виду стихотворение Скитальца «Рыцарь», где «звучат ноты революционного протеста», высказано в комментариях Ф. М. Иоффе к «Переписке А. М. Горького и И. А. Бунина» («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 98). Ту же ошибку повторил в примечаниях к бунинским сочинениям О. Михайлов, писавший, что, говоря о стихотворении «Витязь», Горький имел в виду стихотворение Скитальца «Рыцарь», «где ярко звучат революционные мотивы» (см. Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 510).
- ¹⁹ «Дневники», стр. 91. В дальнейшем Горький отказался от участия в альманахе.
- ²⁰ См. примеч. к п. 33.
- ²¹ «Дневники», стр. 106.
- ²² См. настоящ. том, кн. 2, «Сводный обзор».
- ²³ Сергей Глаголь. Поэт русского пейзажа (Иван Бунин. «Листопад». Стихотворения). — «Курьер», 1901, № 315, 14 ноября.
- ²⁴ Валерий Брюсов. Новое открытие в стихосложении. — «Русское слово», 1901, № 315, 15 ноября.
- ²⁵ «Новости дня», 1901, № 6620, 16 ноября.
- ²⁶ Валерий Брюсов. Изучение стихосложения продолжается (письмо в редакцию). — «Русское слово», 1901, № 317, 17 ноября.
- ²⁷ «Дневники», стр. 108.
- ²⁸ «Библиотека Валерия Брюсова». Сообщение В. Пуришевой. — «Лит. наследство», т. 27-28, стр. 673.
- ²⁹ «Новый путь», 1903, № 1, стр. 193—194.
- ³⁰ См. настоящ. кн., стр. 552.
- ³¹ Валерий Брюсов. Карл V. Диалог о реализме в искусстве. — «Золотое Руно», 1906, № 4, стр. 62.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, стр. 63.
- ³⁴ Там же, стр. 65.
- ³⁵ Там же, стр. 63.
- ³⁶ Там же, стр. 66—67.
- ³⁷ «Весы» — «Скорпион». Каталог № 4. М., 1907, стр. 3.
- ³⁸ Из письма к К. Д. Бальмонт (1909). — В кн.: Валерий Брюсов. Избранные стихи. М.—Л., 1933, стр. 136.
- ³⁹ Горький, т. 24, стр. 323—324.
- ⁴⁰ Валерий Брюсов. Новые сборники стихов. — «Весы», 1907, № 1, стр. 69—72.
- ⁴¹ См. Б. О. Костеллянец. Иван Бунин — поэт. — В кн.: Иван Бунин. Стихотворения. Малая серия «Библиотеки поэта». Л., 1961, стр. 64—70.
- ⁴² «Московская газета», 1912, № 217, 22 октября. В это время Бунин мог вернуться к полемике с Брюсовым в связи с выходом его книги статей «Далекие и близкие» (М., 1912), где была перепечатана рецензия из «Весов» на бунинские стихотворения. Это интервью Бунина перепечатано нами в журн. «Новый мир» (1965, № 10, стр. 226—227); вошло также в т. 9 (стр. 538—540).
- ⁴³ Вл. Крайнихфельд. Целомудрие и экспансивность. — «Киевская мысль», 1917, 4 января.
- ⁴⁴ ГМТ.
- ⁴⁵ Беловой автограф этих заметок и черновые наброски к ним хранятся в ГМТ, № 984, л. 1—11, № 971, л. 1—5, без даты (см. о них: настоящ. том, кн. 2, «Сводный обзор»). Основным источником для заметок послужило трехтомное собрание стихотворений Брюсова «Пути и перекутья» (тт. I—III. М., «Скорпион», 1908—1909). В тексте рукописи упоминается также книга Брюсова «Семь цветов радуги», изданная в 1916 г. Заметки Бунина могли быть написаны, таким образом, не ранее 1916 г. и не позже мая 1918 г., когда Бунин выехал из Москвы на юг. В ГМТ рукопись поступила из собрания К. П. Пушешниковой, следовательно, она относится к той части бунинского архива, которая была оставлена им в Москве.
- Судя по содержанию бунинской рукописи, мы склонны отнести ее ко второй половине 1917 — началу 1918 г., когда Бунин был особенно ожесточен. На оборотной стороне одного из листов с черновыми заметками о стихотворениях Брюсова Бунин выписал названия собственных стихотворений с их датами. Вполне возможно, что эта запись

связана с подготовкой им своих стихотворений для собрания сочинений в издательстве «Парус», которым он занимался с лета 1917 г. и до отъезда из Москвы весной 1918 г.

⁴⁶ GMT, № 984.

⁴⁷ См., например, отзыв «О сочинениях Городецкого» (настоящ. кн., стр. 340—349).

⁴⁸ GMT, № 984.

⁴⁹ GMT, № 971. Эта запись сделана на отдельном листе, под общим заглавием «Лекция». Можно предположить, что критические заметки о Брюсове являются частью разработки для этой «лекции», хотя не исключено, что Буниным была задумана и статья на эту тему.

1. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Москва. После 16 декабря 1895 г.⟩

Валерий Яковлевич! Заезжал к вам, намереваясь поговорить о поездке к Бальмонту — не надо бояться сырой погоды. Думал даже, что поедем сегодня. Не зайдете ли ко мне завтра утром пораньше?

Ваш Ив. Б у н и н

Датируется по записи Брюсова от 16 декабря 1895 г.: «...в среду заходил ко мне с Бальмонтом Бунин, но не застал меня...» («Дневники», стр. 23). Через день-два они снова были у Брюсова («Материалы», стр. 55), после чего и могло быть написано это письмо.

2. БРЮСОВ — БУНИНУ

⟨Москва. 18 декабря 1898 г.⟩

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Послал я вам по этому же адресу мои книжки ¹, — надеюсь, они дошли до вас. Не откажитесь посетить нас в Москве, мы с женой ² будем в самом деле «очень» рады повидать вас. Поговорим о поэзии новой и старой и вечно единой. Загляните!

Искренно ваш Валерий Б р ю с о в

Цветной бульвар, дом Брюсовых, кварт. № 6.
18 дек. 98

¹ Вероятно, это были последние к тому времени книги Брюсова: «Chefs d'oeuvre» (изд. 2, 1896) и «Me eum esse» (1897).

² Жена Брюсова Иоанна Матвеевна (урожд. Рунт). Их свадьба состоялась в сентябре 1897 г.

3. БРЮСОВ — БУНИНУ

⟨Москва⟩ 21 ф⟨евраля 18⟩ 99

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Почему вы не откликнетесь? Если вам не удалось устроить моих стихов в газете, неужели же это важно! Особенно мне, в жизнь свою не напечатавшему в журналах ни строки. Хотелось бы, чтобы вы прислали весть о себе. С радостью послал бы вам при этом письме новые стихи, но их нет. Совсем углубился я в историю, и «лира моя молчит» вот уже несколько недель.

Едете ли вы в Тихий океан? ¹

Искренно «ваш» Валерий Б р ю с о в

Предыдущее письмо Брюсова, посланное в Одессу вместе со стихами для «Южного обозрения», не дошло до нас. Об этих стихах см. п. 4.

¹ План поездки в страны Индийского и Тихого океана Бунин осуществил только зимой 1910/11 гг., и то не в полной мере («Материалы», стр. 153—159).

4. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Одесса〉 23 февраля 〈18〉 99 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Я молчал вовсе не из-за стихов, а просто потому, что ленив писать — право ведь писать письма одно из самых трудных искусств, особенно, если хочется поговорить, а не выразить только свое «почтение». Да и вообще я ленился это время. Очень часто у нас наступает совершенное лето, и я по целым дням шатаюсь в гавани. Относительно Тихого океана еще ничего не знаю — больно уж много денег надо. Но все-таки куда-нибудь уеду.

Стихи ваши напечатаны недели две тому назад, и я приказал выслать вам несколько экз〈емпляров〉 того номера, где они были ¹. Но очевидно наша контора опять поступила по-свински, что очень нередко с нею случается. Завтра зайду и подыму скандал. Пока же не сердитесь на меня за это, равно как и за то, что между стихотворениями вместо цифр I, II и т. д. поставлены * * *. Это опять не моя вина. Пожалуйста, пришлите что-нибудь еще.

Посылаю вам «Гайавату» ². Улучите свободное время и прочтите. Мне хочется слышать ваше мнение. Хоть вы и не можете сравнить с подлинником, но думаю, что почувуете, чувствуется ли запах первобытных лесов или нет.

Напишите мне об этом да и вообще, пожалуйста, не забывайте меня хоть изредка письмами.

Кланяюсь вашей жене и крепко жму вашу руку.

Ваш Ив. Б у н и н

Ответ на п. 3.

¹ Четыре стихотворения Брюсова под общим заглавием: «Картинки Крыма. Светопись»: «Волны взбегают и неются...», «Звезда затешилась стыдливо...», «У перекрестка двух дорог...», «Где подступает к морю сад...» («Южное обозрение», 1899, № 727, 14 февраля). Брюсов заметил в дневнике: «Стихи, посланные мною Бунину, напечатаны (варварски) в „Южном обозрении“ № 727. Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды, и если я сам решаюсь там печатать, то только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным» (март 1899 г. — «Дневники», стр. 62).

² Брюсову, по всей вероятности, был послан экземпляр третьего издания «Песни о Гайавате» (М., изд. магазина «Книжное дело», 1899).

5. БРЮСОВ — БУНИНУ

〈Москва〉 28 марта 〈18〉 99

Привет!

Утренним солнцем сверкающие крыши, шумящие ручьи, полные лужи, в которых проходят облака... Вы не любите городской весны, а моим раздумьям она ближе, чем грязь в деревне и голые сучья обесшвейенного леса. Мы мало наблюдаем город, мы в нем только живем и почему-то называем природой только дорожки в саду, словно не природа камни тротуаров, узкие дали улиц и светлое небо с очертаньями крыш. Когда-нибудь город будет таким, как я мечтаю, в дни отдаленные, в дни жизни, преисполненной восторгом. Тогда найдут и узнают всю красоту телеграфных проволок, стройных стен и железных решеток. Вы уезжаете на Тихий океан ¹, а мне бы хотелось поехать в Лондон или Нью-Йорк, хотя и они лишь смутные проблески того, что я жду.

Был я на днях опять в Петербурге, опять видел много поэтов, очень много, слушал сплетни, тоже много ². Поэты почему-то ненавидят один другого. Для меня непонятно, как возможно поэзию одного любить, другого отрицать совсем, поклоняться Тютчеву ³ и смеяться над Некра-

совым ⁴ или наоборот, говорить, что Фет бессмыслен ⁵. Не понимать — мне страшно и горько. Ведь тот, кто писал, любил это, — почему же я не могу любить. Осуждая, тем самым мы ограничиваем свою душу. Есть только один храм, где можно молиться, — пантеон, храм всем богам, и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. «Я» это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются ⁶.

Что до «Гайаваты», то не получал ее. И своих стихов тоже. Думаю, они затерялись на почте, ибо видел вашу книгу у Саводника ⁷. Вы предлагали прислать вам еще что-нибудь, но мне почти нечего выбрать, что подошло бы. Особенно потому, что я едва ли не совсем отказался от размеров. Убеждаюсь все больше, что наш тонический стих — излишние пути, что звучность возможна и без него. Убеждаюсь еще, что тонический размер нам чужой, несвойственный; в нашей народной поэзии нет этого утомительного чередования ударений. Вот почему прилагаю здесь только переводы, может быть, вы что-нибудь выберете. Имя Верлена вам знакомо ⁸; Роденбах, недавно умерший бельгийский поэт, о котором многие из наших журналов поместили заметки сочувственные ⁹; Мореас — основатель школы, желающий возвращения в поэзии к заветам XVII в. ¹⁰; Эверс — немецкий поэт-мистик ¹¹; перевод из Приска де Ландель ¹² в свое время был мне запрещен цензурой, — и подлинник и перевод писаны небрежно, но меня прельстили некоторые отдельные выражения.

Les hommes ne sont pas frères?
Alors, ils sont ennemis! *

Ваш душою Валерий Брюсов

Ответ на п. 4.

¹ См. примеч. 1 к п. 3.

² Брюсов пробыл в Петербурге с 17 по 22 марта 1899 г. и почти все это время провел с Бальмонтом. Он дважды посетил Ивана Коневского (И. И. Ореуса), побывал у П. П. Перцова; 18 марта Бальмонт устроил для него вечер «с приглашением всяких знаменитостей», а на «пятнице» у Случевского (19 марта) знакомство Брюсова с петербургским «миром поэтов» продолжилось — там он встретил К. М. Фофанова, М. А. Лохвицкую, О. М. Чюмину, П. С. Соловьеву (Allegro), Ф. К. Сологуба, А. А. Коринфского и др. («Дневники», стр. 63—67).

³ Поэзии Тютчева Брюсов «поклонялся» сам, и тютчевская тема была одной из основных в его литературных исследованиях. После первой своей работы о Тютчеве («Русский архив», 1898, № 11 — подробнее см. примеч. 1 к п. 10) Брюсов опубликовал в том же журнале статьи: «По поводу нового издания сочинений Тютчева» (1900, № 3), «Кн. Вяземский и Тютчев» (1903, № 6) и большой биографический очерк «Тютчев. Летопись его жизни» (1903, № 11 и 12; 1906, № 10). Кроме того, Брюсову принадлежат полемическая статья «Легенда о Тютчеве» («Новый путь», 1903, № 11), а также критико-биографические очерки в сборнике «Портреты русских писателей» (М., 1906) и в «Полном собрании сочинений Ф. И. Тютчева» (ред. П. В. Быкова, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1911).

⁴ В отличие от многих символистов Брюсов не склонен был отрицать художественное значение поэзии Некрасова, хотя далеко не все в ней он безоговорочно принимал. Свое отношение к Некрасову Брюсов высказал в заметке «Некрасов и Тютчев» («Русский архив», 1900, № 2), в специальной анкете о Некрасове («Новости дня», 1902, № 7023, 27 декабря; см. настоящ. кн., стр. 359) и в юбилейной заметке «По поводу 25-летия со дня смерти Н. А. Некрасова» («Русский архив», 1903, № 1).

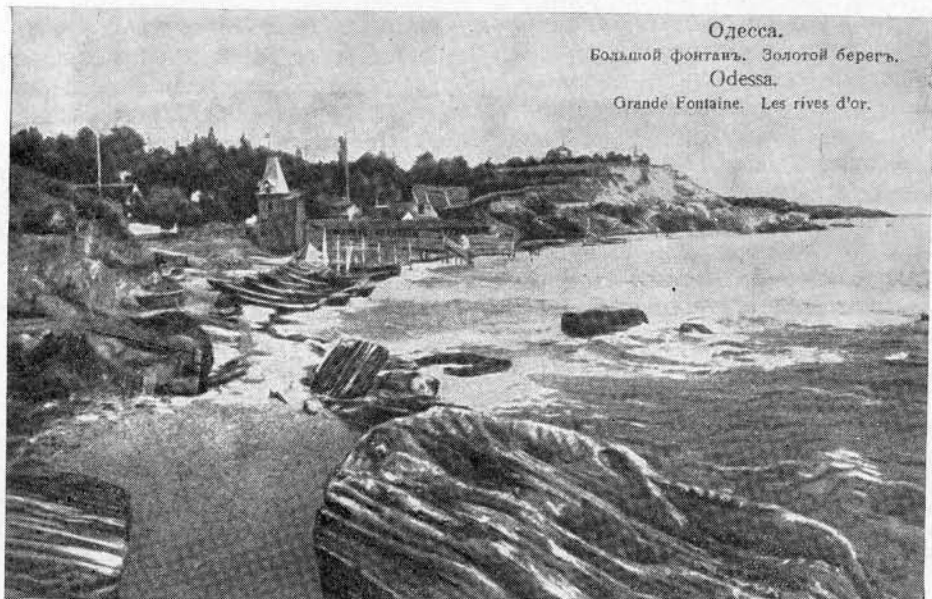
⁵ Брюсов рассматривал Фета как прямого предшественника русских символистов. В 1902 г., к 10-летию со дня смерти Фета Брюсов прочитал публичную лекцию о его поэзии: «Искусство или жизнь» («Мир искусства», 1903, № 1—2, под заглавием «О Фете»).

⁶ Брюсов почти дословно повторяет мысль, развитую им в письме к М. В. Самыгину (Марку Кривицкому) и перенесенную в дневниковые записи февраля 1899 г. (см. «Дневники», стр. 61).

⁷ Владимир Федорович Саводник (1874—1940) — историк литературы; начинал как поэт, в 1898 г. выпустил в Москве первую книгу стихотворений. Учился с Брюсо-

*Как? Так люди уж не братья?
О, тогда они — враги! (франц.).

(Перевод В. Брюсова)

ОДЕССА. БОЛЬШОЙ ФОНТАН

Открытка. 1910-е годы

Собрание А. К. Бабореко, Москва

вым на одном курсе исторического отделения Московского университета. В конце 1890-х — начале 1900-х годов был близок к группе московских символистов.

⁸ Поль Верлен (1844—1896) оказал большое влияние на Брюсова. К концу 1890-х годов в русском переводе вышли два сборника его стихов: П. В е р л е н. Романсы без слов. Пер. Валерия Брюсова. М., 1894; Д. Р а т г а у з. Переводы из Верлена. СПб., 1896. Брюсов послал Бунину перевод «Из Верлена» — «Небо над этою крышей...» («Южное обозрение», 1899, № 818, 24 мая).

⁹ Жорж Роденбах (1855—1898) — бельгийский поэт, драматург и романист; принадлежал к группе мистиков-символистов. Брюсовский перевод его стихотворения «Болезнь» напечатан в той же газете (1899, № 814, 20 мая).

¹⁰ Жан Мореас (псевдоним Жана Пападиамандопуло, 1856—1910) — поэт и теоретик французского символизма. На его смерть Брюсов откликнулся некрологом в «Русской мысли» (1910, № 5). Перевод «Из Мореаса» («Я родился у ропотного моря...») см.: «Южное обозрение», 1899, № 815, 21 мая.

¹¹ Эрнест Эдуард Эверс (1844—1921) — немецкий поэт и прозаик. Перевод «Из Эверса» («Я дышу твоей душою...») см. там же, № 815, 21 мая.

¹² Приска де Ландель — псевдоним французской поэтессы Луизы Бургуан. Из ее сборника «Joies et tristesses» («Радости и печали». — Р., 1895) Брюсов перевел несколько стихотворений, в том числе — «Нищие» (там же, 1899, № 788, 18 апреля). В конце письма приведены две строки из этого стихотворения (о его цензурной судьбе см. выше, вступит. статья, стр. 423, а также п. 6).

6. БУНИН — БРЮСОВУ

18 апр(еля 18) 99 г. Одесса

Поздравляю вас с праздником, дорогой Валерий Яковлевич, и прошу извинения за поздний ответ: уезжал в Крым, чтобы проехать и увидеть Чехова, Горького и еще некоторых знакомых — петербургских, съехавшихся в Ялту¹. Надежды на Тихий океан все более уходят от меня — до следующего года, должно быть, — так что я хоть Крымом себя утешаю. Поеду еще в Константинополь². Понимаю прелесть весны и в городе, но в горах, на море, в степи, право, лучше — для меня, по крайней мере.

Уж слишком часто оскорбляет город — грязью, толпой и т. д. А я знаю, — будут люди счастливы и в городах, и вообще часто думаю, — как прекрасна жизнь и как полна и хороша она будет для тех наших потомков, которые сумеют лучше нашего понять это и устроить жизнь!

Спасибо за стихи — все напечатаем. Посылаю вам то, что было. В «Нищих» цензура выкинула строфу — так досадно! ³ Стихотворение очень хорошее, как и все почти (за исключением отдельных *выражений*) из присланного вами. Дай вам <бог> успеха и хорошего труда, дорогой Валерий Яковлевич, — вы истинно любите искусство, и уже одно это свидетельствует о том, что вам надо работать!

Пожалуйста, пишите. Где будете летом? Мне пока адресуйте письма в Одессу.

Поклон вашей жене.

Ваш Ив. Б у н и н

Ответ на п. 5.

¹ Бунин выехал из Одессы в Ялту 6 апреля и возвратился обратно 14 апреля 1899 г. («Материалы», стр. 73—74). С Чеховым Бунин познакомился за несколько лет до этого в Москве, однако дружеское сближение между ними произошло как раз весной 1899 г. (см. «Лит. наследство», т. 68, стр. 395). О встрече с Горьким и другими писателями Бунин упомянул в письме к Телешову 23 апреля 1899 г. (см. настоящ. кн., стр. 489).

² Поездка в Константинополь летом 1899 г. не состоялась.

³ О цензурных изъятиях в стихотворении «Нищие» см. выше — вступит. статья, стр. 423. Во втором издании Брюсовской антологии французских поэтов оно напечатано полностью с некоторыми поправками и под новым заглавием — «Сострадание» (см. Валерий Б р ю с о в. Полное собр. соч. и переводов, т. XXI. СПб., изд-во «Сирин», 1913, стр. 205). Вероятно, Бунин послал Брюсову вырезку с этим стихотворением; остальные переводы Брюсова были напечатаны позднее (см. п. 5 и примеч. 8—12 к нему).

7. БРЮСОВ — БУНИНУ

(Москва. Конец апреля 1899 г.)

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Благодарю за присылку вырезки. Радуюсь, что даете приют моим гонимым стихам. Есть у меня кое-что, о чем хотел бы поговорить с вами, но не располагаю даже получасом для письма. Задумал я сдавать экзамен в университет («государственные испытания») ¹, но оказалось, что знания мои очень ограничены. Принужден поэтому целые дни с утра до поздней ночи проводить за лекциями и книгами ². Чувствую себя погребаемым и применяю к себе стих Ореуса «Рыхло, сыро сыпется песок...» ³

Ваш душою Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 6. Датируется по связи с этим письмом и по дневникам Брюсова.

¹ Брюсов поступил на историко-филологический факультет Московского ун-та осенью 1893 г. В 1895 г. он перешел с классического отделения на историческое. Весной 1899 г., когда курс Брюсова должен был держать экзамены, в Московском университете продолжались студенческие волнения, вызванные репрессиями против студентов Петербургского университета, а также «Временными мерами», согласно которым провинившихся студентов власти могли отдавать в солдаты. Всем студентам, желавшим держать «государственные испытания», пришлось подать об этом специальные ходатайства.

² Тяжелая пора подготовки к выпускным экзаменам подробно описана в «Дневниках» Брюсова (стр. 68—71).

³ Иван Иванович *Ореус* (псевд. — Иван Коневской; 1877—1901) — поэт-символист, один из ближайших поэтических соратников Брюсова. Брюсову принадлежит предисловие к Посмертному собранию сочинений Ив. Коневского (М., «Скорпион», 1904), где дана высокая оценка его личности и творчеству. Бунин вынес другое впечатление об этом поэте: «Коневской так и остался никому не известен. Брюсов иначе не называл его, как гением. А на деле это был просто большой и несчастный юноша. Вытертая студенческая тужурка, худые и совершенно деревянные плечи, испитое лицо, стоячие белесые глаза, рыжеватые слабые волосы. Говорил он мало и крайне неразумительно. Писал что-то очень напряженное, но еще более неразумительное» (т. 9, стр. 286).

8. БУНИН — БРЮСОВУ

<Одесса> 25.V.99

Дорогой Валерий Яковлевич.

Простите, что молчал. Разные дела и настроение скверное¹. Страшно одинока и непонятна жизнь. Горячо хотелось бы поговорить, но плохо умею в письмах. Пожалуйста, не забывайте меня — пишите. Еду в деревню: Почт. ст. *Захарьевка*, Херсонской губ. Тираспольского у., мне².

Буду думать думы на степных могилах.

И. Б.

Сердечный привет вашей жене.

Ответ на п. 7.

¹ Бунин остро переживал разлад с женой, тяготился обстановкой и своим положением в доме Н. П. Цакни.

² Лето 1899 г. Бунин провел в имении Н. П. Цакни Краснополье (см. настоящ. кн., стр. 491).

9. БРЮСОВ — БУНИНУ

29 июня <18> 99. Алупка

Привет! привет!

Вот я опять блуждаю у моря, изучаю размеры и созвучия волн, пишу свои светописные картинки — и оживаю, оживаю!..¹ Боюсь очень наскучить, повторяясь, но хочется еще и еще жаловаться на тот месяц. После этих университетских «испытаний» я сюда приехал совсем не живой. Глаза мои так привыкли к печати букв, к цифрам, к страницам, — что зелень, и горы, и простор моря мне были невыносимы, слишком крупны, слишком ярки. Но мучительней было чувствовать, что какие-то отвратительные складки мыслей вползли в мой ум и живут там...

Не знаю, как относитесь вы к современной науке, но я эту самодовольную, эту самоуверенную науку — ненавижу, презираю. Придумывать способы, свои «научные методы», чтобы отнять у мысли всякую самостоятельность, чтобы всех сравнять и зоркость гения заменить числительной машиной. Нет! верю, что завоевания знания совершены не так, что пути к истине — иные! О эти человечки, эти муравьи, ползающие по намеченным дорожкам, совершающие два шага и хвляющиеся, что они двигают науку. Нет, это не движение вперед, эти жалкие, робкие муравьи, не смеющие сойти с своей тропинки — не создатели ведения, хотя бы их и именовали учеными. Быть может, я не хочу видеть желанных исключений, несправедлив к некоторым, — но ведь все эти думы слишком глубоко коснулись моей души.

Месяц, целый месяц изучал я какие-то литографированные записки, изучал нередко то, что искренно считал просто детской глупостью. И эти глупости, сказанные самодовольно, торжественным тоном откровения, я выучивал и после пересказывал, ибо не спорить же мне было перед экзаменаторами². Я чувствовал себя, как у позорного столба на площади. А меня снисходительно хвалили и мне улыбались. О стыд, стыд! Зачем в моей власти сейчас не две, не три жизни. Если бы я мог, все так же отдаваясь поэзии, успеть сказать им о их науке все то, что я уже знаю, и раскрыть иное, что мне еще смутно, обличить до конца это пошлое всемирное лицемерие! Зачем никто из нас не может сделать всего, на что он способен и чего он хотел бы! Почему все мы ниже самих себя! Бескрылые стремления! и их удел — смех и презрение...

Простите, Иван Алексеевич, я еще не могу писать умереннее. И все мои прозаические сообщения отложу на несколько дней. Вам мои сердечные пожелания...

Ваш Валерий Брюсов

¹ Сдав выпускные экзамены, Брюсов в начале июня 1899 г. выехал с женой в Крым, «Как все повторения, наша вторая поездка в Алушку во многом нас разочаровала <...> Новым наслаждением в этом году было только купание. Это сладко — отдаться морю» («Дневники», стр. 71).

10. БРЮСОВ — БУНИНУ

⟨Москва⟩ 11 авг⟨уста 18⟩99

Мне странно писать к вам, уважаемый Иван Алексеевич, хотя я и часто возвращаюсь к вам в мыслях: для меня вы как призрак. Мы виделись мало, ваш образ дополнил я по воспоминаниям, по рассказам, вероятно и воображением. Говоря с вами, не убежден, что вы слышите мой голос.

Очень много значит, с какой маской на лице вышли мы в первый раз к людям. Мы много лжем, не потому чтобы хотели обмануть, а лишь потому, что надо сохранять однажды принятую маску. Надо! Люди не любят, чтобы ее нарушали, и не легко это. И я стиснут той колеей, в которой стою, иду вперед, как лошадь с наглазниками. Но есть во мне по крайней мере сознание позорности этого. А мыслей и сочувствий своих не будет мне стыдно ни перед кем.

Все это говорю вот к чему. За последние годы раздумывал я о разных вещах и свои думы по детской привычке записывал. Так составились у меня маленькие раздумья-статейки. Я их не печатал (исключение: заметка о Тютчеве ¹), во-первых, потому, что в большинстве журналов на меня смотрели слишком косо, а во-вторых, именно потому, что они слишком противоречили принятому мной на себя облику. Теперь я отбрасываю этот рабский страх, вы же, как кажется, не боитесь моего имени. Потому решаюсь предложить вам эти мои статьи, если для газеты могут подойти статьи не совсем мимоидущего, злободневного содержания. Они очень маленькие, их очень много, для примера назову вам содержание некоторых:

О последних статьях Чернышевского (при его переводе Вебера) ².

О новейших французских поэтах ³ (Гриффин ⁴, Ренье ⁵, Верхарн ⁶, Ретте ⁷, Мерриль ⁸).

О психодраме («род» поэзии, у нас неизвестный, но у которого есть блестящие представители в Германии, в Англии, у скандинавов...) ⁹.

О Ироте (греческий поэт александрийского периода, произведения которого так жизненны, словно писаны современным реалистом) ¹⁰.

О «Энеиде» и ее русских переводах ¹¹.

Если в основе против моих статей вы ничего не имеете, скажите, я пришлю их вам для просмотра. — Пока же посылаю вам четыре новых «Картинки Крыма». Если найдете их «удобными» и напечатаете, не откажитесь сделать примечание, что «первые четыре картинки были помещены в № 727»: этим отчасти искупится ошибка типографии, смешавшей все те <четыре стихотворения в>* одно ¹².

Ваш Валерий Брюсов

По всей вероятности ответ на п. 8, полученное с двухмесячным опозданием, после возвращения Брюсова из Крыма в конце июля — начале августа 1899 г. Среди бумаг Брюсова сохранились два черновика письма, — один без даты, другой датирован 8 августа 1899 г. (ГБЛ, ф. 386. 70.13).

* Конец письма оборван, недостающие слова восстановлены по черновику. — Ред.

¹ «О собрании сочинений Ф. Тютчева». — «Русский архив», 1898, № 11. Брюсов выделил эту заметку как одну из удач минувшего 1898 г.: «Осенняя случайная удача с моей статьей о Тютчеве. Ведь после детских пустяков это моя первая статья, появившаяся в журнале» («Дневники», стр. 74).

² Последние статьи Н. Г. Чернышевского, приложенные к его переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера, появились в 1885—1887 гг. При подготовке к выпускным экзаменам Брюсов штудировал это издание, тогда же у него возник замысел работы о последних статьях Чернышевского. В описаниях неизданного литературного наследия и библиографии опубликованных произведений Брюсова указаний на эту работу нет (См. А. И. Л. и н с к и й. Литературное наследство Валерия Брюсова. — «Лит. наследство», т. 27-28, стр. 457—504; Библиография В. Брюсова. Кн-во «Скорпион», М., 1913).

³ Заметки и размышления о новейших французских поэтах накапливаются у Брюсова с середины 1890-х годов, когда он приступил к переводам из Верлена, Малларме и др. Мысль о статье, посвященной этим поэтам, не была тогда реализована Брюсовым, но сама тема постоянно занимала его, и он продолжал накапливать материалы. Итогом этой работы (переводчика и критика одновременно) стала антология «Французские лирики XIX века» (СПб., изд-во «Пантеон», 1909), составленная из переводов Брюсова, с его вступительным очерком и био-библиографическими примечаниями.

⁴ Франсис Вьель-Гриффин (1864—1937) — поэт и теоретик французского символизма, один из создателей и мастеров так называемого «свободного стиха». «В развитии „символической школы“ он сыграл важную роль как своей личной проповедью, так и основанным им журналом „Les Entretien politiques et littéraires“ (1891—1892). До последнего времени Вьель-Гриффин остается верен в искусстве тем же принципам, какие выставил в начале своей деятельности, но постоянно раздвигая, расширяя круг своих творческих раздумий и наблюдений» («Французские лирики XIX века», стр. 169—170). К концу XIX в. вышли в свет сборники стихотворений Гриффина: «Poèmes et Poésies» (1895), «La Clareté de Vie» («Свет жизни», 1897), «Phocas le Jardinier» («Фока-садовник»), (1898).

⁵ Анри де Ренье (1864—1936) — поэт, прозаик и эссеист. «Выступив в литературе в 1885 г., А. де Ренье примкнул к „символистам“, посещал „вторники“ Малларме, был в числе усердных слушателей Вилье де Лиль-Адана, участвовал в журнале Рене Гиля (...). Ясность мысли при смелой фантазии, отчетливость образов при умении „гипнотизировать“ читателя словами и спокойная гармоничность языка — вот достоинства лучших созданий А. де Ренье» («Французские лирики XIX века», стр. 165—166). Ранние стихотворения Анри де Ренье были собраны в двух томах — «Premiers poèmes» (1885—1887) и «Poèmes» (1887—1892); затем вышли книги «Les Jeux rustiques et divins» («Игры пастушков и богов», 1897), «Les Médailles d'Argile» (1900) и др.

⁶ Эмиль Верхарн (1855—1916) — крупнейший бельгийский поэт, стихами которого Брюсов увлекался с юности. «Пишущий эти строки, — заявлял Брюсов, — гордится тем, что первый познакомил русских читателей с Верхарном. Первые переводы стихов Верхарна были им напечатаны в 1900 г. („Tertia vigilia“) («Французские лирики XIX века», стр. 116). В 1906 г. Брюсов выпустил книгу своих переводов из Верхарна («Стихи о современности»), сопроводив ее большой вступительной статьей и библиографией. В 1907 и 1908 гг. Брюсов читал на Педагогических собраниях в Москве публичную лекцию «Эмиль Верхарн, поэт современности».

⁷ Адольф Ретте (1863—1930) — поэт и критик, примкнул в конце 1880-х годов к символистам, принял деятельное участие в литературной полемике своего времени. Первые сборники стихов — «Une belle Dame passa» (1893) и «L'Archipel en fleur» (1895). За резкие выступления в духе анархизма и «оскорбление государственной власти» был приговорен к тюрьме, но затем «разочаровался в своих увлечениях молодости, отрекся от прежних учителей и, поселившись в лесу Фонтенбло, попытался стать поэтом природы, простым, ясным, трезвым» («Французские лирики XIX века», стр. 161).

⁸ Стюарт Мерриль (1863—1915) — французский поэт, выходец из США, учился в Париже и Нью-Йорке, в 1880-е годы сблизился с французскими символистами, считал себя учеником Малларме и Верлена. Под их влиянием написаны его первые стихотворные сборники — «Les Gammes» («Гаммы», 1887), «Les Fastes» («Празднества», 1891), «Petits poèmes d'automne» («Осенние стихи», 1895) и др. Во время пребывания в США Ст. Мерриль увлекся социалистическими идеями; его новые настроения получили отклик в сборнике «Les quatre saisons» («Четыре времени года», 1900). «Последние годы, — отмечал Брюсов, — Ст. Мерриль живет в полном уединении, но новые его стихи, появляющиеся в журналах (преимущественно в „Mercure de France“) показывают, что он продолжает работать как поэт и совершенствовать свое дарование. Интимность чувства, проникнутого глубокой печалью, составляет главное очарование его поэзии» («Французские лирики XIX века», стр. 175—176).

⁹ К этому «роду» поэзии Брюсов относил произведения драматургии европейского символизма, в том числе некоторые пьесы Ибсена, Гауптмана, Уайльда, Метерлинка, Д'Аннуцио, Стриндберга и др. Образцом подобного жанра в творчестве Брюсова может служить стихотворная психодрама «Путник» (1909), построенная на резком психологическом повороте отношений между двумя действующими лицами. Статья Брюсова о психодраме неизвестна.

¹⁰ Ирод (правильно: Герод, III в. до н. э.) — греческий поэт эпохи эллинизма. Стал известен историкам античной литературы в 1891 г., когда в Египте был найден папирусный свиток, содержащий восемь его мимов, — драматических сенок в статьях. Мимы Герода рисуют картины быта малоазийских греков. Они привлекли внимание Брюсова откровенностью содержания и вольностями поэтического языка (см. «История греческой литературы», т. III. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 42—43).

¹¹ Вместе с текстами перевода «Энеиды» в рукописном архиве Брюсова скопилось множество примечаний, критических замечок, а также несколько специальных статей, в их числе: «Вергилий, его жизнь, творчество и „Энеида“», «Этюды об „Энеиде“ Вергилия» и др. Среди них — незаконченная статья «Замечания о русских переводах» и вполне завершенная статья «О переводе „Энеиды“ русскими стихами», опубликованная с посмертным изданием брянского перевода «Энеиды» в 1933 г. (см. примеч. 2 к п. 32).

¹² См. примеч. 1 к п. 4. Новые четыре стихотворения из цикла «Картинки Крыма» были напечатаны в «Южном обозрении», 1899, № 925, 19 сентября.

11. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Москва. Конец августа 1900 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич! Очень хочу вас видеть, но боюсь вас не застать, а времени у меня мало, и я в разгоне. Нужно потолковать и о книге. Пожалуйста, известите о моем приезде и С. А. Полякова¹. Не знаю его адреса. Буду ждать вас завтра от 2 до 3 часов, ибо думаю, что это письмо принесет вам завтра рано. Буду ждать вас в 2—3 часа и послезавтра². Привет вашей жене. Стою в № 113.

Ваш Ив. Б у н и н

На бумаге с бланком: «Большая Московская гостиница в Москве». Датируется по времени приезда Бунина в Москву и условию, заключенному им с книгоиздательством «Скорпион».

¹ Сергей Александрович Поляков (1874—1948) — организатор и владелец издательства «Скорпион» и журнала «Весы», математик и переводчик (ему принадлежат переводы из Гамсуна, Стриндберга, Ибсена и др.), известный в московских кругах меценат. В воспоминаниях Бунина эмигрантской поры охарактеризован без всякого снисхождения, как и другие близкие «Скорпиону» литераторы (см. т. 9, стр. 291).

² Встреча эта, в которой принял участие и Ю. К. Балтрушайтис, состоялась 31 августа 1900 г. в Большой Московской гостинице. Разговор об издании «Скорпионом» книги стихов Бунина завершился заключением условия, написанного рукой Бунина. Приводим его текст (ИРЛИ, ф. 444, № 72):

«УСЛОВИЕ

Москва, августа 31, 1900 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Ив. Ал. Бунин, с одной стороны и представители московского книгоиздательства „Скорпион“: С. А. Поляков, Валерий Яковлевич Брюсов и Г. К. Балтрушайтис — с другой стороны, заключили настоящее условие в следующем:

1. Я, Бунин, предоставляю книгоиздательству „Скорпион“ право на одно, первое, издание моих стихотворений, тех, рукопись которых обязуюсь я представить „Скорпиону“ не позже первого октября 1900 г. в размере не менее десяти печатных листов;

2. Я, Бунин, предоставляю „Скорпиону“ издать означенную книгу в количестве тысячи восьмисот экземпляров.

3-ье. Я, Бунин, обязуюсь не перепечатывать названной книги в течение трех лет от сего тридцать первого августа 1900 г.

4-ое. Я, Бунин, сохраняю за собой право издать отдельно входящую в состав означенной книги поэму „Листопад“, но не ранее, как через два месяца после поступления означенной книги в продажу.

5-ое. Мы, представители „Скорпиона“, обязуемся уплатить Бунину, или кому он прикажет, по представлении им рукописи тотчас же двести пятьдесят (250) рублей и в течение первого месяца по поступлении книги в продажу остальные пятьдесят рублей.

6-ое. Мы, представители „Скорпиона“, обязуемся напечатать означенную книгу не позднее первого января 1901 года.

7. Мы, представители „Скорпиона“, обязуемся предоставить г-ну Бунину из числа напечатанных экземпляров в полное его распоряжение сто экземпляров.

Москва. 31 авг. 1900 г.

Иван Алексеевич Б у н и н

Триста рублей за книгу, означенную в сем условии, получил 2-го октября 1900 г.

Ив. Б у н и н

12. БУНИН — БРЮСОВУ

(Москва. Начало октября 1900 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич! Я очень виноват перед «Скорпионами», но я был дьявольски занят неотложными делами и потому никак не мог приготовить рукопись в надлежащем виде. Теперь оставляю вам 97 стихотворений. Я не перенумеровал их, ибо буду присылать вставки. Надеюсь из Одессы (нынче в 12 ч. ночи уезжаю в Одессу, а оттуда в Париж) прислать вам несколько стихотворений, поправив их дорогой; при этом напишу, куда вставить их (я себе оставил список тех стихотворений, которые вам оставляю). А вы сами не перемещайте их. Мы говорили с Сергеем Александровичем¹, и он дал мне право делать поправки в корректуре и даже перемещения. И то и другое я буду делать непременно, ибо некоторые стихотворения сейчас неприятны, благодаря пошлым строкам. Вернусь в Москву через месяц и надеюсь, что к тому времени будет корректура. Первые два-три листа можно и теперь отдать в печать. Да, пожалуй, можно отдать и все в печать (с дороги я пришлю вставки и списочки, как разместить стихотворения в конце рукописи. Начало, т. е. стихотворения, составляющие 2-3 первых <листа>, останется без изменений. Поэтому хорошо было бы, если бы вы прислали мне в Париж эти 2-3 листа первых. Я, вероятно, там же подписал бы их к печати. А приехавши в Москву, получил бы от вас остальные и там сделал перемещения и поправки. Относительно рисунка на обложку мы говорили с Сергеем Александровичем. Он предлагает выбрать из Васнецова заставку. Сообщите мне, какую выберете, а я выпрошу у Васнецова². «Витязя», очевидно, отставляем. Называйте уж видно книгу «Листопад»³. Формат Д'Аннунцио?⁴ Это хорошо. Ну, чрезвычайно жалею, что не виделся — пожалуйста, простите. Никак не мог. А теперь страшно спешу в Одессу. Оттуда выеду очень быстро. Желая вам всего хорошего и жене вашей.

Ваш Ив. Бунин

Еду на Курский вокзал, поезд отходит в 12 часов.

Датируется по времени отъезда Бунина из Москвы в Одессу («Материалы», стр. 80).

¹ С. А. Поляков — см. примеч. 1 к п. 11.

² В своих воспоминаниях Бунин отметил, что из художников он «встречался с братьями Васнецовыми, с Нестеровым, с Репиным...» (т. 9, стр. 379). Бунин высоко ценил живопись В. М. Васнецова, у которого и собирался просить заставку для сборника стихотворений. В марте 1900 г. Бунин вместе с В. М. Михеевым был в мастерской Васнецова, там демонстрировалась для знакомых его новая картина «Баян». По свидетельству Брюсова, оба «безумно восторгались» этой картиной («Дневники», стр. 83). В апреле—мае 1900 г. Бунин встречался с В. М. Васнецовым в Ялте.

³ Судя по этому письму, сборник Бунина должен был первоначально называться «Витязь» — по мотиву программного стихотворения «На распутье», навеянного картиной В. М. Васнецова «Витязь на распутье» (в книге стихотворение посвящено Васнецову). Это стихотворение высоко ценил Горький (см. настоящ. кн., стр. 439, примеч. 18). Поэма «Листопад» была закончена в конце августа 1900 г.; Бунин поместил ее в начале сборника.

⁴ Книга трагедий Габриеле Д'Аннунцио («Мертвый город», «Джиоконда», «Слава»). Перевод с итальянского Ю. Балтрушайтиса. М., кн-во «Скорпион», 1900) была издана средним форматом в восьмую долю листа.

13. БУНИН — БРЮСОВУ

Париж, 19/X <н. ст.> 1900 г.

Дорогой Валерий Яковлевич! Вчера был в почтамте и, к удивлению своему, не получил от вас ничего — ни письма, как обстоят дела по изданию, ни тем паче — корректуры; а я ждал даже корректуры. Не знаю теперь, как быть? Куда вы мне напишете и куда вышлете корректуры, если

вышлете? Получили ли вы рукопись? Я писал вам, оставляя ее, что первые два-три листа можно набирать без опасения. То же повторяю и теперь. Завтра-послезавтра вышлю вам, вероятно, кое-какие добавочные стихотворения. Теперь же пока спешу сообщить вам, что в Париже я пробуду еще дней 9. Затем я еду в Женеву и т. д. на Мюнхен. В Мюнхене я пробуду дня 3—4. Буду там, значит, в начале ноября. *Напишите мне, таким образом, в Мюнхен, если не успеете в Париж.* Парижский мой адрес: Avenue de Suffren, 114. M-me Radtchenko, для меня.

Будьте здоровы. Все впечатления — при свидании.

Ваш Ив. Бунин

14. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Париж. 9 ноября/27 октября 1900 г.⟩

Совершенно не понимаю ничего, Валерий Яковлевич, и весьма беспокоюсь. Где вы, что значит молчание? Уезжаю из Парижа (утро 9-го ноября по *новому стилю*) в Швейцарию. Убедительно прошу еще раз написать в *Мюнхен* до востребования. Кланяюсь «братьям»¹ и вашей супруге. Вышла ли ваша книга?²

Ваш Ив. Бунин

Открытка. На обороте: В. Я. Брюсову. Цветной бульвар, собств. дом, Москва. Moscou, Russie. Почт. шт.: Paris. 10. nov., 00; Москва, 1. XI. 1900.

¹ Имеются в виду С. А. Поляков (см. примеч. 1 к п. 14) и Ю. К. Балтрушайтис. Юргис (Георгий) Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт-символист. В 1899 г. окончил вместе с Брюсовым историко-филологический факультет Московского университета, принимал деятельное участие в делах издательства «Скорпион».

² Брюсов готовил в это время к изданию книгу «Tertia vigilia» (М., изд-во «Скорпион», 1900).

15. БРЮСОВ — БУНИНУ

⟨Москва. Начало ноября 1900 г.⟩

Уважаемый и дорогой мне Иван Алексеевич, вы немного на нас сердитесь, но не справедливы. Вот деловые ответы: оставленные вами стихи при формате Аннунцио (который вы назначили в последней записке)¹ ни в каком случае не могли занять 10 листов. Значит, являлась надобность в цензуре². Несколько дней мы медлили, думая, что вы пришлете дополнения скоро, как то можно было думать из иных слов вашей записки³; не получая ничего, мы подали прошение, чтобы представлять в цензуру корректуру. Досталось цензуровать Соколову⁴, самому жестокому из московских цензоров, который сумеет и «Вирь» запретить. Тогда решили изменить формат, уменьшить его, чтобы все-таки набралось 10 листов.

Так теперь и печатаем. Первые корректуры — работа черная; ее выполним мы сами. А по приезде в Москву получите вы полуисправные листы. Очень ждем, однако, еще стихов, хотя бы немного, — а то и при меньшем формате может не хватить.

Есть разные подробности: их, конечно, при встрече.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 14. Датируется по этому и последующему письмам Бунина.

¹ См. примеч. 4 к п. 12.

² Правилами о печати, сохранявшими силу до 1905 г., предусматривалось, что отдельные издания объемом более десяти печатных листов, выпускавшиеся в Петербур-

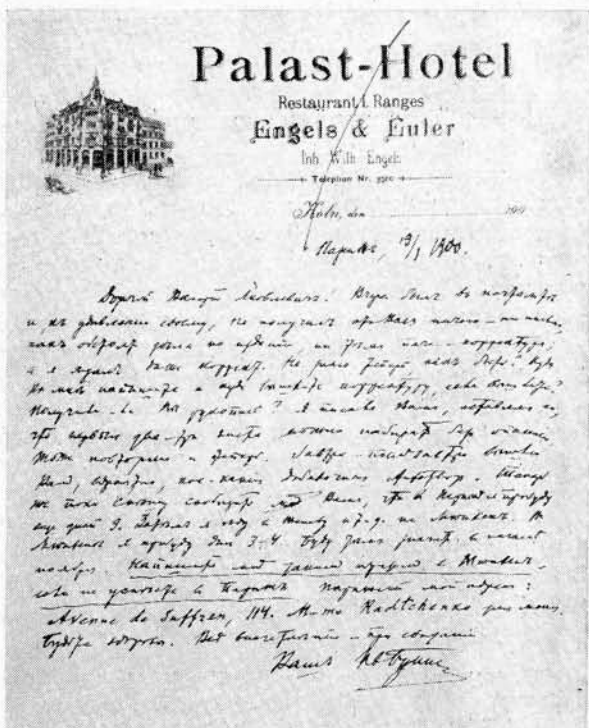
ПИСЬМО БУНИНА БРЮСОВУ
19 ОКТЯБРЯ 1900 г.

Автограф

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

На бумаге с бланком
кельнской гостиницы
«Palast-Hotel»

Следовательно, по пути в Париж
Бунин останавливался в Кельне,
что до сих пор не было известно

ге и Москве, освобождались от предварительной цензуры. Книги и брошюры меньшего объема, а также все провинциальные издания, подлежали предварительному цензурованию наравне с периодическими изданиями.

³ См. п. 13.

⁴ Сергей Иванович Соколов (? — 1912) — цензор Московского цензурного комитета в 1880-е годы, затем член Московского комитета по делам печати. Славился придирчивостью при цензуровании книг и статей. И. А. Белоусов передает эпизод, относящийся к 1899 г., когда Соколов запретил в статье для журнала «Детское чтение» перепечатку знаменитого стихотворения Т. Гуда «Песня о рубашке» в переводе М. Л. Михайлова на том основании, что автор песни «восстанавливает одно сословие против другого», а переводчик был слишком неблагонадежным в политическом отношении лицом (Ив. Белоусов. Мое первое знакомство с цензором. — «Путь», 1913, № 4, стр. 37).

16. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Риги-Кульм⟩ 18 ноября по н. ст. 1900

‘Был в Альпах Бернских, в Гриндельвальде и Мюррене, на большой высоте, в снегах и зимней горной глуши, совсем перед вечным лицом Финстерааргорна и Юнгфрау¹. Теперь провожу вечер на высоте более 2000 метров, совсем в снегу, на Риги-Кульм. Взошел без проводников, один, по дикой дороге. Хорошо!²

Ив. Буни н

Открытка. На обороте: Russie. Moscou. Россия. Москва. Цветной бульвар. Собственный дом. В. Я. Брюсову. Почт. шт.: Rigi-Klusterlie, 24. XI. 00; Москва. 15.XI. 1900. Отправлена после недельного пребывания в Швейцарии, куда Бунин и Куровский приехали 10 ноября (н. ст.) 1900 г.

¹ Гриндельвальд и Мюррен — альпийские городки, расположенные в южной части Швейцарии. Финстерааргорн и Юнгфрау — вершины Бернских Альп.

² Ср. сонет Бунина «На высоте, на снеговой вершине...», первоначально озаглавленный «В Альпах» (т. 1, стр. 141).

17. БУНИН — БРЮСОВУ

Мюнхен. 23/10 нояб<ря> 1900 г.

Дорогой Валерий Яковлевич! Очень огорчен всем, что вы сообщили мне. Никак не думал, что будет не хватать даже при формате Аннунцио. Подводить вас я, конечно, не хотел и не имел в виду, а если не исполнил своего обещания выслать стихов, то во-первых, потому, что не ожидал, что мое путешествие будет «не давать мне ни отдыха, ни сроку», а во-вторых, потому, что мы вообще решили не торопиться. Очень прошу вас и теперь об этом: не торопитесь и не торопите меня. Если я явлюсь уже к набранной до конца книге, то как я дам вам дополнения? И зачем вы сразу хотите всю набрать? Дополнения должны будут войти в книгу не в конце, а во второй-третьей части. Сейчас у меня нет ни минуточки свободной из-за картинных галерей.

Планы мои такие: в Мюнхене думаю пробыть всего дня 2 — лучше сказать — выеду в Вену послезавтра утром, вечером буду в Вене, там сутки, затем в Дрезден, там сутки, а потом без остановки в Россию¹, т. е. еще дня два до Москвы или Петербурга: еще не знаю куда поеду. Но во всяком случае в Петербурге пробуду очень немного. Напишу вам еще из Вены. *Поправлений* буду делать много, буду перестанавливать стихи, — не торопитесь же. Скоро увидимся!

Ваш И. Б у н и н

Открытка. На обороте: Rußland. Moskau. Ев В. Я. Брюсову. Москва, Цветной бульвар, собств. д. Почт. шт.: München. 23. Nov. 00; Москва <дата стерта>. Ответ на п. 15, посланное в Мюнхен, до востребования.

¹ 25/12 ноября 1900 г. Бунин сообщал брату Юлию Алексеевичу из Мюнхена: «Еду сейчас в Вену, вечером буду там, — там день, затем в Дрезден — тоже день, и домой!» («Материалы», стр. 81). 17 ноября Бунин возвратился в Петербург (там же), а 20 ноября был уже в Москве (см. п. 18).

18. БУНИН — БРЮСОВУ

<Москва. 20 ноября 1900 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич! Нельзя ли нам увидеться завтра (вторник 21-го) или в 1 час или в 5 часов? Не приедете ли ко мне? Я живу у Никитских ворот в доме князя Гагарина (этот дом замыкает Тверской бульвар). А то вечером я уже отозван, хотя, вероятно, попозднее заверну (кстати, где в Большой Московской вы бываете? В кабинете?) Жду.

Ваш И. Б.

Открытка. На обороте: Москва, Цветной бульвар, собств. дом, Ев В. Я. Брюсову. Почт. шт.: Москва. 21. XI. 1900.

Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию.

19. БУНИН — БРЮСОВУ

<Москва. 23 ноября 1900 г.>

Валерий Яковлевич! Нам все-таки необходимо увидеться. Слышал, что заболела ваша супруга. Очень сочувствую и поэтому не решаюсь ехать к вам. Да и боюсь! Если вам можно теперь отлучаться из дому, то, пожалуйста, приезжайте ко мне. Назначьте час и день — телеграммой что ли. Я живу у *Никитских ворот, дом кн. Гагарина*. Часто бываю у брата¹. Жду вас, а то мне скоро уезжать², а потолковать необходимо.

И. Б у н и н

Открытка. На обороте: Москва. Цветной бульвар, собственный дом. ЕВ Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: Москва, 23. XI. 1900. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Юлий Алексеевич Бунин жил в это время в доме Н. Ф. Михайлова (Арбат, Старокопюшенный пер., д. 32), где помещалась редакция журнала «Вестник воспитания».

² В начале декабря 1900 г. Бунин выехал к родным в деревню Огневку, Тульской губ., где пробыл около двух недель (см. п. 20).

20 БУНИН — БРЮСОВУ

Апраксино, 15 декабря 1900

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю сегодня в типографию Мамонтова 6 листов (первых) моей книги. Там есть мелкие поправки. Я написал на корректуре, чтобы после того, как эти поправки сделают, корректуру дали вам. Очень прошу вас — просмотрите еще раз и разрешайте печатать — пожалуйста поскорее. Меня, пожалуйста, извините, — приехавши в деревню, денек полежал, чуть было не захворал, — а потом шла сильная метель.

Остальные листы непременно высылаю завтра. При переверстке в типографии напутали, но не очень, так что я не стал снова переламаывать. Только выкинул два пустяковых и очень маленьких стишка, вставленных было, — и вышло хорошо.

Очень тороплюсь на почту, чтобы сегодня пошло, и потому кончаю. Кое-что напишу еще завтра.

Скорпионам ¹ поклон и супруге вашей тоже.

Ваш Ив. Б у н и н

Чрезвычайно прошу вас печатать книгу на бумаге формата Аннунцио ². Все положительно советуют.

На конверте: Москва. Цветной бульвар. Собственный дом. ЕВ Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: «Лукьяновка», Тульск. г. 15. XII. 1900; Почтов. ваг. № 91. 15. XII. 1900; Москва. 17. XII. 1900.

¹ С. А. Полякову и Ю. К. Балтрушайтису (см. примеч. 2 к п. 11 и примеч. 1 к п. 14).

² Просьба Бунина была исполнена (см. примеч. 4 к п. 12). Весь текст разместился на одиннадцати с лишним печатных листах, что избавило книгу от предварительной цензуры (см. примеч. 2 к п. 15).

21. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Апраксино⟩ 18 декабря 1900 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Извещаю вас, что всю корректуру моей книги Мамонтову я уже отослал, и еще раз беспокою вас своей просьбой просмотреть ее после исправления, а также — присылать мне каждый отпечатанный лист в 2-х экземплярах. Очень хотелось бы посмотреть и обложку. Относительно размера я уже вам писал — я очень хочу большой формат. Не лучше ли, кроме того, поставить над всеми стихотворениями без заглавий звездочки? Глупо это, конечно, но что же делать? Иначе получается странное, неприличное впечатление — стихи сливаются в одно. То же самое и относительно черточек после каждого стихотворения. Странно мне без них. А впрочем — пусть будет ваша воля. Не забудьте также относительно нумеровки страниц: вы хотели поставить цифры на боку, на стороне страниц.

По многим делам я здесь еще задерживаюсь¹, а потому прошу вас пока писать мне и посылать все, что понадобится, не в Ялту, а сюда: Почтовая станция *Лукьяново*, Тульской губ., Ефремовского у. Пока будьте здоровы и счастливы.
Поклон вашим и «Скорпионам».

Ив. Б у н и н

¹ Бунин задержался в деревне еще на два дня. 21 декабря 1900 г. он уже был в Москве, где навестил О. Л. Книшпер-Чехову, которая его «сильно уговаривала ехать в Ялту» («А. П. Чехов. Сборник статей и материалов». Симферополь, 1962, стр. 93).

22. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Ялта. Конец декабря 1900 г.〉

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Сейчас пишу в типографию Мамонтова, — прошу, чтобы мне присылали каждый отпечатанный лист книги, посылаю образец обложки (с объявлением о своих книгах¹) и прошу прислать корректуру обложки. Если они забудут это сделать — будьте добры распорядиться. На всякий случай посылаю и вам образец обложки.

Только не лучше ли заднюю страницу обложки — т.е. 4-ую, сделать пустой или поставить на ней какую-нибудь проходную виньеточку в русском стиле посредине, а объявление поставить на 3-ю?

Будьте добры не забыть сделать оглавление.

Жму вашу руку и кланяюсь вашей жене и всем «Скорпионам».

Ваш Ив. Б у н и н

Ялта, дача А. П. Чехова.

Какая будет цена книги?² Неужели меньше рубля?

Датируется по времени приезда Бунина в Ялту.

28 декабря 1900 г. М. П. Чехова писала из Ялты: «Бунин приехал и остановился у нас внизу» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 165).

¹ В объявлении на последней странице обложки «Листопада» были указаны книги Бунина: «„На край света“ и др. рассказы». Изд. О. Н. Поповой; «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло. Пер. с английского. Илл. изд. магазина «Книжное дело»; «Под открытым небом». Стихотворения. Изд. журнала «Детское чтение» (Для юношества); «Стихи и рассказы». Изд. журнала «Детское чтение» (Для юношества); «Рассказы». Изд. О. Н. Поповой («Народная и детская библиотека»).

² Цена «Листопада» была определена в 1 руб.

23. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Ялта. 13 января 1901 г.〉

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Начинаю беспокоиться относительно «Листопада». Неужели он еще не печатается?¹ Повторяю свою просьбу относительно присылки мне каждого отпечатанного листа в 2-х экземплярах и корректуры обложки, если я с ней не задержу. Есть ли оглавление?

Ялта, дача А. П. Чехова, мне.

Поклон вашей жене и Скорпионам.

Ив. Б у н и н

Открытка. На обороте: Москва. Цветной бульвар, собств. дом. Ев В. Я. Брюсову. Почт. шт.: Ялта. 13. I. 1901; Москва. 17. I. 1901. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ «Листопад» вышел в свет в начале февраля 1901 г. (см. настоящ. кн., стр. 525).

24. БУНИН — БРЮСОВУ

<Ялта. 28 января 1901 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Сейчас получил ваше письмо. Чрезвычайно прошу вас как можно скорее выслать мне хотя несколько экземпляров «Листопада», как только выйдет. Очень буду благодарен. Поклон!

Ваш Ив. Б у н и н

Открытка. На обороте: Москва, Цветной бульвар, собств. дом, В. Я. Брюсову. Почт. шт.: Ялта. 28.I.1901; Москва. 31.I.1901. Датируется по почтовому штемпелю. Ответ на недошедшее до нас письмо Брюсова.

25. БУНИН — БРЮСОВУ

<Ялта.> 5 февраля 1901 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

Сегодня получил «Листопад» и спешу от всей души поблагодарить вас, Сергея Александровича и Георгия Казимировича¹ за прекрасное издание. Но вместе с тем не могу удержаться, чтобы не сказать вам, что я очень огорчен вами. За что, Валерий Яковлевич? Почему я исключен из «Северных цветов»?² Что-то произошло между мной и вами, или, вернее, между вами и мной. Прекрасно,— это ваше дело — относиться ко мне так или иначе. Но неужели между нами ничего не осталось как между художниками? Вы, конечно, отлично знаете, что с моей стороны этого нет. Я, вникнув в вашу книгу³, за последнее время отношусь к вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде; вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, к многим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом. Или вы думаете, что дело обстоит иначе?..

Впрочем, не знаю, что еще больше вам написать да и следовало ли. Одно могу прибавить: жаль! А что я искренен — так ведь это не требует доказательств. Из-за чего бы мне быть неискренним? Какая, как говорится, выгода, да и не умею я соблюдать выгод. А раз не выгода — то, значит, что-то лучшее. И о том, что это «лучшее» чем-то испортилось между нами, я от всего сердца жалею.

Ив. Б у н и н

На конверте: Москва, Цветной бульвар, собств. дом, ЕВ Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: Ялта. 7. II.1901; Москва. 11. II.1901.

¹ С. А. Полякова и Г. К. Балтрушайтиса.

² На обложке «Листопада» в перечне книг, подготовленных издательством «Скорпион», было помещено объявление: «Северные цветы. Альманах на 1901 г. Рассказы и стихи», с перечнем авторов печатаемых здесь произведений. Имя Бунина в этом списке отсутствовало.

³ Книга «Tertia vigilia». Один из ее разделов — «Картинки Крыма и моря» — был посвящен Бунину.

26. БРЮСОВ — БУНИНУ

<Москва. Середина февраля 1901 г.>

Уважаемый Иван Алексеевич!

Спасибо за письмо и за искреннюю речь. Каждому, конечно, кажется, что несправедлив другой; так и быть должно. Когда я узнал вас впервые, я неожиданно полюбил вас. После — да, вы правы, я видел в вас что-то, что мне не по душе. Только ведь об этом в письмах не стговориться. Тут

нужен голос, взгляд, все, что в стихах заменено размером, и без чего проза бессильна. Будем надеяться на новые встречи и новые стихи. Мне хочется верить.

Теперь о Альманахе. Как-никак, а от участия в нем отказались вы сами. Ясно помню, кто-то из нас спросил, что дадите вы в «Северные цветы». Вы отвечали, что у вас сейчас нет ничего¹. Если это недоразумение, то его легко еще поправить. Стихи, правда, все набраны и сверстаны, но ведь вы знаете, что вставить несколько страниц вовсе не трудно. В рассказах же у нас есть сейчас 10—12 страниц (в случае надобности найдется, конечно, и больше), оставленных было для Андреева, который внезапно расхворался. Что бы ни прислали вы до конца 2-ой недели или к началу 3-ей,— все еще найдет себе место². Что до меня, я буду очень ждать, так как мне желательно, радостно было бы соединить в альманахе все любимые мной имена.

Ваш, в лучшем смысле, Валерий Брюсов

Ответ на письмо 25. Датируется по содержанию и по почтовому штемпелю на п. 25.

¹ Бунин встречался с деятелями «Скорпиона» во время своего приезда в Москву в декабре 1900 г. Тогда же на очередном «скорпионовском» вторнике обсуждался состав «Северных цветов» на 1901 г.

² Конец второй — начало третьей недель великого поста приходились в 1901 г. на последние дни февраля.

27. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Ялта, около 20 февраля 1901 г.〉

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю вам для альманаха «Северные цветы» рассказ А. П. Чехова. Надеюсь, что это доставит вам всем большую и неожиданную радость. Я взял на себя смелость, за которую вы, вероятно, не рассердитесь, попросить у него что-нибудь для альманаха — и он дал¹. Рассказ должен называться «Ночью»; условия Антона Павловича таковы: он сказал: «пусть „Скорпион“ пожертвует что-либо, т.е. хоть небольшую сумму денег в Таганрогскую городскую библиотеку»², кроме того, необходимо послать ему корректуру. Если даже это задержит — думаю, все-таки вы не проиграете³. Рассказ этот должен войти в 5-й или 6-й том сочинений Антона Павловича. Во всяком случае *надеюсь, что вы тотчас же напишете мне, как вы распорядитесь с рассказом: Одесса, Софиевская ул., 5, мне.*

Я пришлю рассказик на днях.

Всем поклон. *Спасибо вам за письмо* — искреннее.

Ваш Ив. Бунин

Датируется по содержанию: очевидно, рассказ «Ночью» был выслан сразу же после получения его от Чехова, из Ялты, откуда Бунин выехал в Одессу 22 февраля 1901 г. (см. «Материалы», стр. 83). Ответ на п. 26.

¹ Бунин уговорил Чехова отдать «Скорпиону» рассказ «Ночью» (переработку раннего рассказа «В море», впервые напечатанного в журнале «Мирской толк», 1883).

² По условиям договора с Марксом все произведения Чехова составляли собственность издателя, автор же имел право обнародования своих произведений в повременных изданиях или литературных сборниках с благотворительной целью. Пожертвование в Таганрогскую библиотеку являлось таким образом обязательным формальным условием предварительной публикации чеховского рассказа в альманахе «Северные цветы».

³ Издатели «Северных цветов» оценили все выгоды участия в альманахе знаменитого автора и в объявлении о выпуске «Северных цветов» на 1901 г. имя Чехова поставили первым среди других участников («Русские ведомости», 1901, № 66, 8 марта). В последующем обращении издательства «К читателям» (составленном по всей вероятности В. Брюсовым) говорилось: «Особенно ярко беспристрастие литературных сужде-

ний „Скорпиона“ выразилось в изданных им альманахах „Северные цветы“ на 1901 и 1902 годы, где рядом с именами А. Чехова, А. М. Федорова, Ив. Бунина следуют имена З. Гишпиус, Д. С. Мережковского, Ф. Сологуба, К. Д. Бальмонта, Валерия Брюсова, П. Перцова, А. Мирovich, А. Волынского и тут же далее К. Фофанова, К. Случевского, В. Розанова, М. Лохвицкой, М. Криницкого, Л. Жданова и т. д.» (Каталог книгоиздательства «Скорпион». М., 1902, стр. 7). Чехов остался недоволен рекламным использованием его имени в чуждом ему издании (см. прим. 1 к письму 28).

28. БУНИН — БРЮСОВУ

4 марта 1901. Одесса, Софиевская, 5

Уважаемый Валерий Яковлевич! Очень прошу — извините, если задержал. Тут разная чепуха вышла. Не ждите меня и печатайте альманах. Если не получите рукописимоей *через три дня* после этого (письма), — ну, скажем, через четыре, — значит ничего не пришло. Писал ли я вам, что Чехов просил Скорпионовское пожертвование за его рассказ отправить так: Таганрог, городская библиотека, Любови Юлиановне Арбушевой от А. П. Чехова. Послали ли вы ему корректуру?¹

Ваш Ив. Б у н и н

Закрытое письмо — «секретка». На обороте: Москва. Цветной бульвар. Собств. дом. Валерию Яковл. Брюсову. Почт. шт.: Одесса. 4.III.1901.

¹ См. п. 27. А. П. Чехов сообщил Бунину 14 марта 1901 г.: «От „Скорпиона“ получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует „Скорпион“ о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в „Русских ведомостях“, дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (А. П. Ч е х о в. Полн. собр. сочинений и писем, т. XIX, стр. 61). После выхода альманаха Чехов в письме 20 апреля 1901 г. упрекал Бунина за то, что тот ввел его «в эту компанию» (там же, стр. 74. Ср. воспоминания Бунина об этом эпизоде — т. 9, стр. 188).

29. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Одесса. 19 марта 1901 г.〉

Уважаемый Валерий Яковлевич,

Очень прошу тотчас же ответить мне относительно моего очерка «Поздней ночью». Получили ли вы его?¹ Если он набран, нельзя ли корректуру? Если опоздал — убедительно прошу тотчас выслать.

Ваш Ив. Б у н и н

Одесса, Софиевская, 5

Открытка. На обороте: Москва, Цветной бульвар, собств. дом. Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: Одесса. 19.III.1901; Москва. 22.III.1901.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ По-видимому, Бунин отправил рассказ 7 марта 1901 г. (сохранился только конверт, адресованный В. Я. Брюсову, с почт. штемпелями: Одесса. 7.III.1901; Москва. 10.III.1901). Рассказ вошел в альманах «Северные цветы на 1901 год».

30. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Одесса. 18 апреля 1901 г.〉

Уважаемый Валерий Яковлевич,

Будьте добры распорядиться, чтобы мне выслали 1 экземпляр «Северных цветов», а также и то, что причитается мне за мой очерк «Поздней ночью», по адресу: Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ., Ефремов-

ского у.¹ — очень прошу поскорее, так как сгораю нетерпением видеть альманах². Очень буду рад, если вы напишете мне о своих работах и пришлете новых стихотворений — поверьте моей искренней жажде к ним.

Ваш Ив. Б у н и н

За «Пана»³ — великое спасибо. Чехов просил меня передать вам, чтобы попомнить о его просьбе относительно Таганрога.

Открытка. На обороте: Москва, Цветной бульвар, собственный дом, его в-дию Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: Одесса. 18.IV. 1901; Москва. 21.IV.1901. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Первую половину апреля 1901 г. Бунин провел в Ялте, а затем снова вернулся в Одессу, откуда собирался выехать в деревню.

² Первые отклики на выход альманаха «Северные цветы» были по большей части неблагоприятны для Чехова и Бунина. В. Буренин писал: «Рассказ г. Чехова называется „Ночью“. Рядом с ним идет еще более короткий рассказ г. Бунина, озаглавленный „Поздней ночью“. Этот рассказ совершенно какое-то школьное упражнение великовозрастного гимназиста...» («Новое время», 1901, № 9037, 27 апреля). Рассматривая «Северные цветы» как прибежище «декадентствующих оргиастов», А. Измайлов сделал характерную оговорку: «Известная часть сборника „Скорпиона“ свободна от преобладающего его направления. Сюда относятся наброски А. Чехова и И. Бунина <...> Небольшой, в пять страниц, рассказ Чехова „Ночью“ выписан с обычным мастерством автора, но было бы грустно, если бы он намечал новый наклон творчества талантливого художника. Это — рассказ для холостой компании, совершенно во вкусе известной категории кровавых новелл Мопассана» («Биржевые ведомости», 1901, № 140, 26 мая).

³ Брюсов переслал Бунину роман К. Гамсуна «Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глава». Предисл. К. Д. Бальмонта. Перевод с норвежского С. А. Полякова. М., изд-во «Скорпион», 1901.

31. БРЮСОВ — БУНИНУ

<Москва. Конец апреля — май 1901 г.>

Уважаемый Иван Алексеевич!

Если мне верите, то на меня не сердитесь: я в разных промедлениях не виноват, только в молчании. Альманах был послан вам тотчас по выходе, но по старому вашему адресу в Одессу. Деньги за рассказ Чехова были высланы еще до выхода альманаха. Ваш гонорар, по словам Сергея Александровича, вы должны получить на днях. Это все, что я могу сообщить точного.

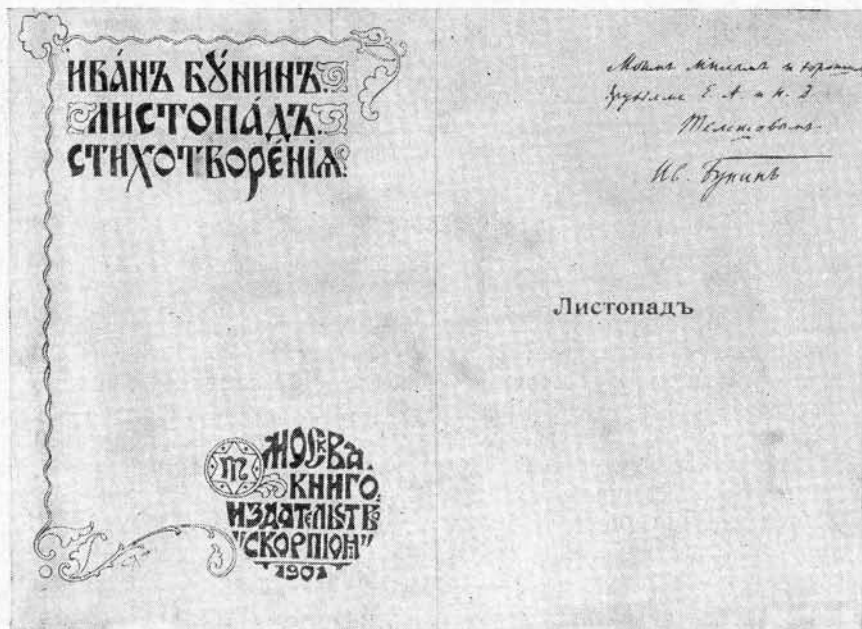
Я заканчиваю свой год. (Заметили ли вы, что года имеют свою цельность?) Этот год для меня был создан из двух элементов: самой усидчивой работы и величайших безумств, каким я когда-либо себя предавал¹. То и другое мешало внешним моим отношениям. Но душа, конечно, переживала и хранила их, как и прежде. Теперь весна (для вас лето?). Ухожу к размеренным дням, к бездействию, к вершинам деревьев, «погруженным в полдневный жар», к моей «Энеиде»². Очень хочу послать вам свои новые стихи. Как только настанут эти дни, исполню.

Ваш Валерий Б р ю с о в

1901

Ответ на п. 30. Датируется по этому письму и по содержанию.

¹ В 1899 г. Брюсов начал работать помощником П. И. Баргенева по изданию «Русского архива» и фактически стал «секретарем редакции» этого журнала. При наступлении 1901 г. Брюсов отметил в дневнике: «Новый год, новое столетие. С детства мечтал я об этом XX веке <...> И вот он. — В частности зима эта неудачна: она вся разделена между работой у Баргенева в „Русском архиве“ и свиданиями с П. То и другое надоело и опротивело. То и другое любопытнее будет в биографии, чем было в жизни. Пора освободиться!» («Дневники», стр. 100).

«ЛИСТОПАДЪ» (М., 1901)

С дарственной надписью: «Моим милым и хорошим друзьям Е. А. и Н. Д. Телешовым. Ив. Бунин»
Титульный лист и шмуцтитул

Центральный архив литературы и искусства, Москва

² Первые попытки Брюсова переводить «Энеиду» Вергилия относятся к 1892 г., когда он был еще гимназистом. В марте 1897 г. Брюсов упомянул перевод «Энеиды» в перечне своих основных текущих занятий («Дневники», стр. 28). К 1913 г. он перевел шесть книг «Энеиды» для издания поэмы в серии «Памятники мировой литературы», однако при жизни Брюсова это издание не было осуществлено, и его работа увидела свет лишь в 1933 г. «Лично я могу засвидетельствовать, — писала И. М. Брюсова, — что работа над „Энеидой“ была одним из любимейших занятий В. Я. Знал он наизусть целые страницы латинского текста, постоянно цитировал те или иные места из Вергилия» (И. М. Брюсова. К истории перевода В. Я. Брюсова. В кн.: Вергилий. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 319).

32. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Москва. 3 июня 1901 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Хотелось бы повидаться. Кстати, есть маленькое дело¹. Где Балтрушайтис и Поляков? Черкните, когда можно вас застать, — по адресу: Чистые пруды, д. Терехова, кв. Телешова.

Поклон вашей жене.

Ваш И. Бунин

Я на даче под Москвой². Теперь уезжаю. Думаю быть здесь в среду — четверг. Известите заранее.

Открытка. На обороте: Городское, Цветной бульвар. Собств. дом. Ев Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: Москва, 3.VI.1901.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Бунин собирался предложить издательству «Скорпион» что-либо из своих новых книг (см. п. 35).

² 28 мая 1901 г. Бунин писал М. П. Чеховой из Ефремова: «... поеду в Москву, заверну на дачу к Телешову, а потому пишите так: Москва, Чистые пруды, дом Терехова, Н. Д. Телешову; для меня. Пробуду, впрочем, там больше — числа до 17 июня, до возвращения брата из-за границы, с которым и вернусь в деревню» (Сб. «Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма». Симферополь, 1969, стр. 125).

33. БРЮСОВ — БУНИНУ

⟨Петровское Разумовское. Начало июля 1901 г.⟩

Уважаемый и дорогой мне (если вы еще оставите мне право так вас называть) Иван Алексеевич!

Писать мне письма и просить ответа значит обрекать меня на неизбежные угрызения совести. Моя жизнь за последние месяцы — безумие. Я вырываюсь из рук сумасшедших, чтобы бежать к бесноватым. Я прошел над всеми безднами духа, достигая до крайних пределов любви и страдания. Каждое чувство, каждая мысль мне мучительны теперь, но моему пути еще не конец. И опять синее небо, и опять утро. Но во мне ни стиха, ни строчки, слова не вяжутся, мысли не повинуются. Упасть бы в траву и плакать или уснуть. Вот одно чего я хочу. Эти облака, идущие по небу, эти качающиеся травы, это солнце, как легче с ними, чем с людьми! Вновь, впервые после юности, я чувствую природу, живу, дышу ею. Щебечут ласточки. Нет. И их не хочу. И здесь уже любовь и страдание. Мое сердце уже сжимается. Уснуть, исчезнуть... пока!

Ваш Валерий Брюсов

Петровское Разумовское, Выселки, дача Кутырина

Письмо без даты. Ответ на недошедшее до нас письмо Бунина. Датируется по п. 34. В бумагах Брюсова (ГБЛ, 386.70.13) сохранился черновик отосланного письма в иной редакции:

«Писать мне письма и спрашивать ответа, дорогой Иван Алексеевич (если вы оставите мне право так называть вас), — значит обрекать меня на раскаяние и угрызения совести. Если можете мне поверить на слово, — не приписывайте моего молчания ни недоброжелательству, ни горделивому пренебрежению правилами общезнания, ни чему-либо худшему. Не писал потому, что не мог сосредоточить мысли на вас, не мог вырваться из исключительно личных дум. Но вы просили ответить. Да. И здесь моя явная вина. Впрочем, Сергея Александровича могли бы найти и без моей помощи.

Я на распутье. Более, чем вы, даже в тот день, когда „сумрачно и важно“ сидел на кресте черный ворон. Я на распутье и в жизни и в душе. О жизни не интересно. А о душе вы знаете. Мне дано искушение, которого я не ожидал. Передо мной открыта торная дорога, и я уже сделал по ней немало шагов. Еще чуть-чуть опустить голову, еще чуть-чуть подладиться под чужой голос, ах, как все станет тогда просто. Но менее всего я хочу быть сейчас самим собой. Мой облик мне сейчас самое ненавистное. Моя первая задача — убить себя и растоптать свое тело. Если мне осталась надежда, то только в смерти.

С переменной страницы меняю голос. Если есть у вас свободные часы, приезжайте к нам. Будем говорить о посторонних предметах. Будем читать стихи. Сейчас ночь. Дачная ночь. Знаете вы, что это такое? Пишет фонограф, террасы освещены абажурами, у калитки голоса и смех. Наш адрес: Петровское Разумовское, Выселки, дача Кутырина.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

1901»

34. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Огневка⟩ 12 июля 1901 г.

Дорогой и уважаемый друг, очень рад был вашему письму и — простите — даже тому, что вы сообщаете в нем. Почувствовалось мне в нем — может быть, и ошибочно — многое из пережитого мною самим и такое, что часто оставляет сильные и хорошие следы. Во всяком случае, от души

желаю вам всего лучшего и скорого возвращения к работе. Я пока у себя в деревне, — кое что работал по беллетристике и писал стихи¹. Осенью должно быть, выпущу две книги — новых стихов и рассказов². 15-го еду с братом Юлием в Москву — пробуду там дней 7—8, затем — в Одессу. На всякий случай мой адрес пока такой: Арбат, Староконошечный, редакция «Вестника воспитания». Кланяюсь вашей жене и товарищам.

Ваш Ив. Б у н и н

Ответ на п. 33.

¹ Лето 1901 г. Бунин провел у родных, сначала у брата Евгения в Ефремове, затем после короткого наезда в Москву — в Огневке, где оставался до начала августа («Материалы», стр. 84).

² В 1901 г. Бунин выпустил еще одну книжку — «Полевые цветы. Сборник стихотворений и рассказов для юношества», в 1902 г. — сб. «Новые стихотворения».

35. БУНИН — БРЮСОВУ

Одесса, 1 сент<ября> 1901 г.

Дорогой Валерий Яковлевич! Сейчас написал Сергею Александровичу письмо, в котором предлагаю «Скорпиону» взять для издания что-либо из четырех книг, которые хочу выпустить нынешней осенью: 2-ое издание «Песни о Гайавате», 2-ое издание книги рассказов «На край света», новая книга новых рассказов и новая книга новых стихов «Облака» (листов 8)¹. Надеюсь, что новые стихотворения будут лучше «Листопада». Подумайте и напишите мне в *Ялту*, на дачу А. П. Чехова, куда уезжаю завтра. Очень буду рад, если сообщите также хоть что-нибудь о себе. От всего сердца посылаю вам привет.

Ваш Ив. Б у н и н

Надеюсь быть в Москве в конце сентября².

На конверте: Москва, Цветной бульвар, собств. дом, Ев Валерию Яковлевичу Брюсову — почт. шт.: Одесса. 2.IX.1901; Москва. 5.IX. 1901.

¹ Письмо Бунина Полякову с предложением о переиздании старых и выпуске новых книг неизвестно; очевидно Поляков отклонил это предложение, и сотрудничество Бунина со «Скорпионом» расстроилось. Ни одна из перечисленных четырех книг не была издана в 1901 г. В 1902 г. Бунин выпустил книгу «Новые стихотворения» (от названия «Облака» он отказался). Намеченный план был осуществлен «Знанием», которое выпустило книгу его «Рассказов» (1902) и приступило к подготовке нового издания «Песни о Гайавате» (1903).

² В сентябре 1901 г. Бунин был в Москве, встречался с Брюсовым (см. выше, вступит. статья, стр. 429).

36. БРЮСОВ — БУНИНУ

<Москва> 5 ноября 1910 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Позвольте, со всей скромностью, напомнить вам, что, когда мы случайно встретились у Юлия Алексеевича, вы не отказали мне в надежде, что дадите свое стихотворение «Русской мысли»¹. Мне очень хочется верить, что это ваше согласие было с вашей стороны не простой любезностью, но действительно желанием, в пределах для вас возможного, принять участие в редактируемом мною журнале. Меня ваше сотрудничество очень утешило бы и обрадовало бы.

Пока, пользуясь вашим согласием, я поместил ваше имя в перечне сотрудников журнала. Если вам это почему-либо не желательно, сообщите мне, и я немедленно сниму ваше имя с анонсов².

Неизменно уважающий вас Валерий Брюсов

На бумаге с бланком: «Редакция ежемесячного литературно-политического издания „Русская мысль“». Сохранилась также копия этого письма (автограф) с припиской Брюсова («Подлинник письма отправлен по московскому адресу») и с пометой Бунина («Получено в Сосновке числа 6 ноября 1910 г.»).

¹ В 1907 г. «Русская мысль» перешла в руки П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера и стала одним из основных литературных органов русского буржуазного либерализма и партии кадетов. В 1908 г. В. И. Ленин отметил, что на страницах «Русской мысли» г. Струве уже проповедует идею „Великой России“, идею буржуазного национализма, разносит „враждебность интеллигенции к государству“, сражает в тысячу первый раз „российский революционизм“, „марксизм“, „отщепенство“, „классовую борьбу“, „банальный радикализм“ (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 459). В августе 1910 г. Струве стал полным хозяином журнала. Тогда же он предложил Брюсову заведовать беллетристическим и критическим отделом «Русской мысли» (см. «Литературный архив», т. 5. М.—Л., 1960, стр. 272). Брюсов согласился, считая, что материалы этих отделов могут быть достаточно автономны по отношению к основной общественно-политической тенденции журнала, которую он далеко не во всем разделял. Тогда же Брюсов разослал приглашения к сотрудничеству многим известным литераторам — Д. Мережковскому, З. Гиппиус, К. Бальмонту, А. Белому, А. Ремизову, Б. Садовскому, А. Блоку, Ф. Сологубу, К. Чуковскому, В. Вересаеву, М. Кузмину, А. Толстому и др. Прямое участие Брюсова в редактировании «Русской мысли» продолжалось два года. В 1912 г. его отношения со Струве особенно обострились после отказа главного редактора печатать роман Андрея Белого «Петербург», одобренный Брюсовым.

² Имя Бунина было анонсировано среди других сотрудников «Русской мысли» на 1911 год.

37. БУНИН — БРЮСОВУ

〈Сосновка. 11 ноября 1910 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите поздний ответ — последние дни я был не в состоянии писать ¹. То, что я обещал вам у Юлия Алексеевича, я с удовольствием и непременно исполню. Не могу сказать, когда именно, но если это будет не так скоро, как хотелось бы, то только потому, что прошлое лето — а я работаю почти исключительно летом — я, по многим причинам, работал мало плохо ².

Уважающий вас Ив. Буниин

Сосновка. 11 ноября 1910 г.

На конверте: Заказное. Его высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Редакция журнала «Русская мысль». Дом Куманина, Ваганьковский пер., Воздвиженка, Москва. От И. А. Бунина. Петербург. Сосновка, Политехникум, кв. проф. Гусакова. Почт. шт.: С. Петербург. 11.11.10; Москва. 12.11.10. Ответ на п. 36.

¹ С конца октября 1910 г. Бунин гостил в Сосновке под Петербургом у профессора Политехнического института А. Г. Гусакова. Здесь его застало известие о смерти Л. Н. Толстого, переданное утренними газетами 8 ноября 1910 г. («Материалы», стр. 150).

² Одна из этих причин — смерть матери (там же, стр. 148).

38. БРЮСОВ — БУНИНУ

Москва, 15 февраля 1912 года

Дорогой Иван Алексеевич!

Прежде всего благодарю вас за память обо мне и о «Русской мысли». Мне очень дорого, что вы не забыли ни меня, ни ее, блуждая по Италии ¹, где можно легко забыть многое. И также благодарю вас за ваше предложение, как вы знаете, отвечающее моим давним желанием.

Простите, что я не ответил вам телеграммой; но мне необходимо дать вам ответ довольно подробный.

Так, к моему большому сожалению, я вынужден возобновить наши переговоры о размере гонорара. Я помню, конечно, что первый обратил-

БУНИН

Фотография Доре, 1917

С автографической подписью Бунина

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ся к вам с просьбой о сотрудничестве. Но дело в том, что опыт минувшего года заставляет «Русскую мысль» в этом году с особой осторожностью следить за своим бюджетом. Ваши условия — 1000 руб. за два листа (а, судя по вашей телеграмме, в вашем рассказе ² будет более двух листов) для журнала крайне тяжелы. Он буквально *не может* оплачивать свой материал таким гонораром. Чтобы это сделать, «Русской мысли» пришлось бы уменьшить гонорар тех сотрудников, которые получают по 80 и по 100 рублей за лист, а это едва ли было бы справедливо. Мне хочется надеяться, что вы на своих условиях настаивать не будете.

Далее, я должен предупредить вас, что ближайшие книжки «Русской мысли» уже заняты. Это не должно вас удивлять, так как вы знакомы с техникой журнального дела и понимаете, что невозможно издавать журнал, не подготавливая материал месяца на два вперед. Но, разумеется, для вашего рассказа я сделаю все, какие только возможно, исключения

и постараюсь поместить его как только можно будет скорее. Но во всяком случае, между получением рукописи и выходом в свет книжки с вашим рассказом не может пройти времени меньше 8 недель.

Наконец, я принципиально считаю невозможным принимать для журнала какую бы то ни было рукопись, не ознакомившись с ней предварительно. Как я ни уверен в том, что каждое ваше новое произведение будет обладать обычными достоинствами того, что вы пишете, я все же не могу взять на себя обязательство напечатать его с закрытыми глазами. Мне кажется, что иначе поступать редактор не имеет нравственного права. Итак, раньше всего мне необходимо ваш рассказ *прочесть*, причем, конечно, я обещаю прочесть его в течение 2—3 дней по получении рукописи.

Если мои оговорки вас не останавливают (а их все я сделать обязан), высылайте вашу рукопись сколько можно скорее. Во всяком случае, если почему-либо соглашение между вами и «Русской мыслью» все же не будет достигнуто, я вашу рукопись немедленно перешлю туда, куда вы укажете. Пока еще раз благодарю вас.

И прошу вас считать меня неизменно вам преданным.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Живя на Капри, вы должны постоянно встречаться с Алексеем Максимовичем (если только не пользуетесь его известным гостеприимством)³. Не откажите поэтому передать ему мой сердечный привет, как от его давнего знакомого, иногда — литературного противника, всегда усердного читателя.

Ответ на недошедшую до нас телеграмму Бунина из Италии в редакцию «Русской мысли».

¹ В Италию Бунин с женой и Н. А. Пушешниковым приехали в ноябре 1911 г.; побывав в Генуе и Флоренции, они поселились на Капри, где провели всю зиму («Материалы», стр. 166—172).

² По-видимому, Бунин предложил в «Русскую мысль» повесть «Игнат», законченную на Капри в феврале 1912 г. (см. примеч. 3 к п. 39); впоследствии она была напечатана в газете «Русское слово» (1912, № 162, 164—167, 14, 17—20 июля).

³ На Капри в 1911—1912 гг. Бунины жили в отеле «Квисисана»; с Горьким они встречались постоянно.

39. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Афины⟩ $\frac{8 \text{ марта}}{24 \text{ февраля}}$ 1912 г.

Дорогой Валерий Яковлевич, депешу вашу мне передали в Неаполь за час до моего отъезда из Италии¹. Письмо ваше получу, верно, не скоро², ибо и Афины покидаю завтра. Не знаю, что в нем. Думаю — уклоняетесь от повести³, находите слишком дорогим ее помещение в «Русской мысли». Да будет так. Но все же пишу, дабы вы знали положение дела, — знали, почему я не отвечаю на то, что в вашем письме.

Ваш Ив. Бунин

Бумага с бланком: Grand Hôtel d'Angleterre. Athens (Greece). На конверте: Reconnu. A M-r V. Brussoff. Moscou. Russie. Москва. Ваганьковский 2. «Русская мысль». Ев Валерию Яковлевичу Брюсову. Почт. шт.: «нрзб»; Москва. 3.3.12.

Ответ на телеграмму Брюсова из Москвы. Текст телеграммы неизвестен.

¹ Бунины уехали с Капри 1 марта/17 февраля 1912 г. и пробыли три дня в Неаполе, так что телеграмма Брюсова была вручена Бунину 4 марта/20 февраля, перед отъездом из Неаполя в Бриндизи.

² Письмо Брюсова 15 февраля 1912 г. (п. 38), посланное на Капри, разошлось с адресатом, и Бунин мог получить его лишь по приезде в Одессу, то есть после 29 февраля 1912 г.

³ Из всего написанного в 1911—1912 гг. сам Бунин относил к числу повестей лишь три произведения — «Веселый двор», «Суходол» и «Игнат». «Веселый двор» еще в декабре 1911 г. был отдан в новый петербургский журнал «Заветы». «Суходол» сначала предназначался для альманаха «Шиповник», а затем был передан в «Вестник Европы». Следовательно, Бунин мог предложить Брюсову для «Русской мысли» только повесть «Игнат» (первоначальное название «Любовь»).

40. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨Гурзуф⟩ 29 августа 1912 г.

Дорогой Валерий Яковлевич, могу дать стихотворение, — простите, что так поздно исполняя вашу просьбу! Даже не знаю — нуждается ли теперь в этом «Русская мысль» и когда сможет воспользоваться стихотворением¹. Будьте добры, ответьте на эти вопросы и сообщите, куда именно послать — не знаю ни вашего адреса, ни (нового) «Русской мысли»².

Ваш Ив. Б у н и н

Гурзуф, до востребования³
29 авг.

Закрытое письмо — «секретка». На обороте: Заказное. ЕВ Валерию Яковлевичу Брюсову. Литературно-художественный Кружок. Большая Дмитровка, дом Вострякова, Москва. Почт. шт.: Гурзуф. 30.8.1912; Москва, 2.9.1912.

Ответ на недошедшее до нас письмо Брюсова.

¹ 27 сентября 1912 г. Бунин послал Брюсову стихотворение (см. п. 42). По-видимому, это был «Белый олень», опубликованный в «Русской мысли», 1912, № 12.

² Адрес Брюсова в это время: Москва, 1-я Мещанская, 32. В июльском номере «Русской мысли» было объявлено о переводе с 20 августа 1912 г. главной конторы и редакции журнала в Петербург. Брюсов от переезда на новое место отказался, однако принял предложение издателя журнала П. Б. Струве стать «гласным московским представителем» редакции и заведующим беллетристическим отделом «Русской мысли» на прежних основаниях. От этой должности он отказался в ноябре 1912 г., оставив за «Русской мыслью» право преимущественной публикации своих произведений (это новое приглашение сохраняло силу до середины 1914 г.).

³ Бунин приехал в Гурзуф из Москвы во второй половине августа и пробыл там до начала сентября 1912 г. («Материалы», стр. 176).

41. БРЮСОВ — БУНИНУ

Москва, 7 сентября 1912 г.

Дорогой Иван Алексеевич!

Конечно, я «хочу» ваших стихов, как вообще «хочу» считать вас в числе сотрудников журнала, в редакции которого участвую¹, и видеть на его страницах ваши вещи. Итак, не может быть сомнения, что я буду очень-очень рад, получив ваши стихи (по моему личному адресу: Москва, 1 Мещанская, 32). Но... но остается все тот же вопрос, который до сих пор не позволял мне с особой настойчивостью добиваться вашего сотрудничества: вопрос о гонораре. «Русская мысль» *не может* платить того гонорара, к которому вы привыкли и на который имеете все неоспоримые права. До сих пор максимум гонорара за стихи у нас был — 75 коп. стих; я надеюсь, что буду иметь возможность предложить вам за стихотворение, не слишком длинное, — 1 р. за стих. На этом мои «надежды» кончаются.

Во всяком случае, не откажите ответить мне на это предложение и, если что можно будет сделать для его изменения, я сделаю.

Сердечно ваш Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 40.

¹ См. примеч. 1 и 2 к п. 40.

42. БУНИН — БРЮСОВУ

Москва 27 сент<ября> 1912 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,
 посылаю вам стихотворение¹ и прошу еще раз извинить за столь поздний
 ответ.

Ваш Ив. Б у н и н

Бумага с бланком: Лоскутная гостиница. Москва.

На конверте: Его высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Редакция жур-
 нала «Русская мысль». Ньютадская, д. 6. Петербург. От Ив. А. Бунина. Москва,
 Лоскутная гост. Почт. шт.: Москва. 27.9.12; Петерб. 28.IX.12. Ответ на п. 41.

¹ См. примеч. 1 к п. 40.

43. БРЮСОВ — БУНИНУ

Москва, 8 октября, 1912 г.

Дорогой Иван Алексеевич!

Простите, что с некоторым опозданием приношу вам свою благодар-
 ность за присланные стихи. Большое спасибо. Надеюсь, что стихотво-
 рение будет напечатано в ближайшей, ноябрьской книжке «Русской
 мысли» (октябрьская уже почти отпечатана)¹.

Сердечно ваш Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 42.

¹ См. примеч. 1 к п. 40.

44. БРЮСОВ — БУНИНУ

<Москва. Около 27 октября 1912 г.>

Глубоко сожалея о невозможности присутствовать лично на банкете,
 от души приветствую вас в день вашего юбилея, составляющего истинный
 праздник русской литературы, и приношу свою давнюю благодарность
 вам как одному из прекраснейших поэтов современности, безупречные
 стихи которого доставляли мне так часто минуты светлой и высокой ра-
 досты.

Валерий Б р ю с о в

ГМТ, № 968. Телеграмма, посланная в связи с 25-летием литературной деятель-
 ности Бунина, которое отмечалось в Москве 26—28 октября 1912 г.

45. БРЮСОВ — БУНИНУ

Москва, 1 Мещанская, 32.
12 августа 1915 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Группа армянских поэтов обратилась ко мне с просьбой — редак-
 тировать сборник «Поэзия Армении», где эта поэзия, — поистине весьма
 замечательная, была бы представлена, в русских переводах, от древней-
 ших времен (X—XIV в.) до наших дней¹. Согласился я лишь после
 долгого колебания и лишь тогда, когда решился предварительно изу-
 чить армянский язык, чего и достиг (до известной степени, конечно), по-
 святив урокам с профессором-армянином все это лето (с июня)². В настоя-
 щее время уже идет работа по составлению самого сборника³. Я позво-

Поступила в продажу книга

**„ВЪ ПОМОЩЬ
ПЛѢННЫМЪ
РУССКИМЪ ВОИНАМЪ“.**

Литературный сборникъ.

Подъ редакціей Н. В. Давыдова и Н. Д. Телешова.

Цѣна 2 р. 50 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОМОЩЬ
ПЛѢННЫМЪ
РУССКИМЪ ВОИНАМЪ

1916

Содержаніе:

Л. А. Аннока — «Уарь», Л. Н. Андреев — «Славяне и сѣлки», М. Горькій — «Легенда о Тавричанъ», В. М. Тельнов — «Въ армянскомъ лагерѣ», И. В. Давыдовъ — «Трагическое Прозрѣніе», И. А. Давидовъ — «Природа покое», С. А. Криветовъ — «Въ гробницѣ полей», А. А. Кельветтеръ — «Савина и Караджинъ», С. А. Котляревскій — «Забота о военнопленныхъ и эвакуированныхъ плѣнныхъ», И. А. Крашенинниковъ — «Алчужаръ», С. Д. Разумовскій — «Крестъ-братъ Богатыря», кн. А. И. Сундатовъ — «О Шехеръ», И. Д. Телешовъ — «Дни изъ жизни», «Крестный каторга», Б. А. Тимоновъ — «Новая жизнь», кн. Е. И. Трубиной — «Школа пленныхъ», И. С. Шенякъ — «У плачущихъ березъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ: Балтрушайтиса, Ю. И. — Бальмонтъ, В. Д. — Брюсовъ, В. Я. — Бунинъ, И. А. — Вяземскій, И. А. — Воронцовъ, В. В. — Гайдаръ, М. П. — Герцыкъ, Е. С. — Грузинскій, А. Е. — Криветовъ, С. А. — Мостачъ, Н. И. — Мушкетеръ, А. Г. — Петровскій, П. И. — Ратгауэ, Д. И. — Стомонъ, А. И. — Тардана, В. Г. — Чеховъ, А. В. — Чумаченко, А. А. — П. П. Бруновъ — Изъ стиховъ «Судно».

РИСУНКИ: В. Я. Брюсовъ — «Марія Магдалина» и «Библейскій сюжет», С. Я. Виноградовъ — «Будничность», Е. В. Гольдбергъ — «Добродѣль и зло», С. Я. Милутинъ — «Младенцы», А. Н. Морозовъ — «Гитаристъ», М. В. Нестеровъ — «Привольный Сербъ и дѣвочка Деспина» и «Взрывъ», Паджма, Девлова, Софья, С. В. Ивановскій — «Монастырь», Л. О. Пастернакъ — «Дѣвочки», В. Д. Подкова — «Маршаръ», А. С. Степановъ — «Бѣдой», В. М. Суровъ — «Взрывъ» и «Взрывъ» (два рисунка), русская пѣльница, И. В. Якушиной — «Гитарка».

Обложка Н. А. Андреева.

Вся вырученная отъ продажи СБОРНИКА сумма поступитъ полностью въ «Московскій Городской Комитетъ ПОМОЩИ РУССКИМЪ ВОЕННОПЛѢННЫМЪ».

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТА СБОРНИКА «ВЪ ПОМОЩЬ ПЛЕННЫМЪ РУССКИМЪ ВОИНАМЪ»
(М., 1916)

В сборникѣ участвовали: Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, Бунин, В. В. Вересаев, А. М. Горькій
Н. Д. Телешов

Институтъ русской литературы АН СССР, Ленинград

ялю себе обратиться к вам с усерднейшей просьбой — не отказать и в своем участии. Среди сотрудников у нас есть А. М. Федоров⁴, Вяч. Иванов⁵, К. Бальмонт⁶, Ф. Сологуб⁷ и было бы очень-очень дорого присоединить к этим именам ваше имя. Разумеется, мы не можем спрашивать с вас слишком большого: чтобы и вы захотели заняться изучением языка, хотя это — труд, который, как я убедился на опыте, вознаграждается сторицей. Но, может быть, вы согласитесь сделать один или несколько (чем больше, тем нам будет приятнее) переводов с подстрочного русского перевода, к которому будет приложена точная транскрипция, русскими буквами, подлинника. Так исполняют переводы и все другие наши сотрудники, да и я тоже, ибо мои познания в армянском языке все еще не позволяют мне обходиться совершенно без таких пособий. В свое время вы уже дали несколько переводов с армянского⁸, и теперь я, со знанием дела, могу утверждать, что они принадлежат к самым удачным, какие только существуют на русском языке. Исполнением просьбы вы крайне обязали бы и лично меня, и всю редакцию сборника, и весь «Армянский комитет», являющийся издателем.

Ввиду общественных задач, преследуемых сборником, — еще раз обратить внимание русских людей на армянский народ, показать, что он заслуживает всего нашего внимания не только по причине неизмер-

ных бедствий, переживаемых им, — редакция считает своим долгом быть бережливой в расходах (вспомните, что на том же Комитете лежат и заботы об армянских беженцах!¹). Поэтому обычным гонораром за переводы назначено 50 коп. за стих. Но, конечно, если для вас такой гонорар неприемлем, вам следует лишь сказать слово и для вас будет с радостью сделано исключение.

Надеюсь, вы найдете возможным ответить хоть несколько слов по возможности в ближайшие дни, так как хочется с изданием поторошиться. В случае вашего согласия, мы тотчас же вышлем вам тексты с переводом (подстрочным) и транскрипцией.

Душевно преданный вам Валерий Брюсов

P. S. Во всяком случае просим усердно — не отказать в одном: позволить нам *перепечатать* ваши переводы с армянского, уже появлявшиеся в печати; мне известны два таких перевода, один из Исаакиана, другой из Цатуряна.

¹ В апреле 1915 г. Московский Армянский комитет принял решение об издании капитального сборника армянской литературы на русском языке, доход от которого поступил бы в фонд помощи армянским беженцам (см. примеч. 9). В состав редакционной комиссии были выбраны К. Кусикян, А. Цатурян, К. Микаэлян, Ю. Веселовский, а затем П. Макинцян. В художественный отдел вошел М. Сарьян. После переговоров с Горьким и по его совету П. Макинцян, А. Цатурян и К. Микаэлян 26 июня 1915 г. посетили Брюсова и заручились его предварительным согласием редактировать сборник. По этому поводу К. Микаэлян на следующий день писал поэту В. Теряну: «Вчера с Цатуряном и Погосом (П. Макинцян) — А. Н. — были у Брюсова. Принял хорошо, à la M. Горький, дал (почти) согласие редактировать наш сборник. Проявил неожиданную заинтересованность к нашему предложению до такой степени, что решил изучить армянский язык! Да, не удивляйся, через три дня Погос начнет ходить к нему и давать уроки армянского языка. Потребовал всю литературу об Армении. Словом, проектируемый нами сборник выйдет под высочайшей редакцией „известного русского поэта В. Брюсова“» (цит. по ст.: А. П. М а к и н ц я н. Из истории создания «Поэзии Армении». — «Брюсовские чтения 1966 года». Ереван, 1968, стр. 163—164).

² Уроки армянского языка и занятия по истории армянской литературы вел профессор Павел Никитич Макинцян, филолог и историк, в содружестве с которым Брюсов за короткий срок проитудировал огромный фактический материал. Вспоминая об этих занятиях, И. М. Брюсова писала: «Одно из свойств, присущих в высокой степени Брюсову, — это скорость, быстрота в работе. Если Валерий Яковлевич бывал чем увлечен, не успеешь оглянуться, — уже все сделано. Павел Никитич проявлял не меньшую трудоспособность. Бывало придет на урок, принесет целую кипу вновь переведенных подстрочников, с транскрипцией, с расставленными ударениями и с отмеченной цезурой стиха, с подчеркнутыми рифмами, с целым рядом примечаний на полях...» («Литературная Армения», 1959, № 5, стр. 102).

³ Сборник был составлен и подготовлен к печати в крайне сжатые сроки — с июня по ноябрь 1915 г. После острой дискуссии внутри редакционной комиссии было решено исключить из московского сборника прозу и представить только образцы армянской поэзии с древнейших времен до начала XX в.

⁴ Александр Мигрофанович Федоров (1868—1949) — поэт, драматург и прозаик, старый друг Бунина, с которым он многие годы состоял в переписке. Переводы А. М. Федорова в сб. «Поэзия Армении» не были помещены.

⁵ В июле 1915 г. Брюсов обратился к Вяч. Иванову с просьбой принять участие в переводах для сборника «Поэзия Армении»: «Сборник преследует цели не только художественные, но и благотворительные. Издатели надеются частью из самого дохода сборника получить средства для помощи армянским беженцам, частью вообще обратить этим сборником внимание на трагическое положение армянского народа, доказать, что он достоин поддержки» («Брюсовские чтения 1966 года», стр. 221). Вяч. Иванов принял предложение Брюсова, избрав для переводов произведения И. Ионисяна, Ов. Туманяна и Ав. Исаакяна.

⁶ К. Д. Бальмонт одним из первых перевел на русский язык некоторые образцы современной армянской поэзии, в частности, произведения Туманяна (легенда «Ахтамар», перевод 1893 г.). Стихотворные переводы К. Бальмонта из Ов. Туманяна, И. Ионисяна, А. Цатуряна, П. Дуряна и др. печатались во втором томе антологии «Армянские беллетристы» (1894), сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (1898), «Современные армянские поэты» (1903), «Армянская муза» (1907). При подготовке сборника «Поэзия Армении» Брюсов просил Бальмонта разрешить

перепечатку его старых переводов и выполнить новые — из Ав. Исаакяна, В. Теряна и др. Бальмонт перевел несколько стихотворений Исаакяна («Брюсовские чтения 1966 года», стр. 216).

⁷ Для «Поэзии Армении» Брюсов просил Сологуба перевести «Песни любви» Наапета Кучака, крупнейшего поэта армянского средневековья. Сологуб перевел эти песни, а также одно стихотворение В. Теряна («Ты не горда, страна моя...»). Получив эти переводы, Брюсов ответил Сологубу: «Ваши переводы будут украшением нашего сборника» («Брюсовские чтения 1966 года», стр. 228).

⁸ Первый перевод с армянского был сделан Буниным для сборника «Современные армянские поэты» (1903), где было помещено переведенное им стихотворение Александра Цатуряна «Мрачна, темна душа моя...». Бунин также одним из первых перевел на русский язык Ав. Исаакяна; его стихотворение «Моя душа объята тьмой полночной...» в переводе Бунина было впервые опубликовано в сборнике «Армянская муза» (1907). На чествовании Бунина в Москве по случаю 25-летия его литературной деятельности от имени армянской интеллигенции выступил А. Цатурян, и Бунин с чувством откликнулся на его приветствие: «Я пламенно люблю солнце и Восток. Армянский народ когда-то, в древние времена, поклонялся солнцу, и сегодня в своей тяжелой жизни опять тянется к солнечному свету. Я глубоко тронут и благодарен за то, что вы меня приветствовали и отметили этот скромный праздник на языке древнего народа» (газ. на арм. яз. «Оризон», 1912, № 253).

⁹ Издание «Поэзии Армении» было предпринято в разгар первой мировой войны, когда в Закавказье турецкая армия зверски истребляла мирное население Западной Армении. Тысячи армянских беженцев покинули в это время свои дома и испытывали большие лишения.

46. БУНИН — БРЮСОВУ

⟨с. Глогово, ст.⟩ Измалково, Орловской губ.¹
19. VIII. 1915

Дорогой Валерий Яковлевич!

Позвольте ответить вам условно: будьте добры прислать мне одно или два небольших стихотворения, я попробую передать их, и *если* выйдет что-нибудь путное, с величайшим удовольствием напечатаю у вас; если нет — а я очень боюсь, что может так случиться, ибо подстрочник, как бы хорош он ни был, почти никогда не задевает сердца, — великодушно извините. Что до прежних моих переводов с армянского, то ваши похвалы им я всецело отношу к вашей любезности: я совершенно не помню их, но убежден, что они плохи, — дело давнее, на которое я неразумно согласился по чьему-то настоянию, — и *очень* прошу вас не перепечатывать их ².

От души желаю успеха вашему хорошему делу.

Ваш Ив. Б у н и н

Ответ на п. 45.

¹ В 1915—1917 гг. Бунин подолгу жил в селе Глодове (в усадьбе Пушениковых Васильевские). В письмах этого времени он обычно обозначал свой адрес по ближайшей почте на ж. д. станции Измалково. Для ясности в подобных случаях вносится редакционное добавление: ⟨с. Глогово⟩. При отсутствии адреса в письме указываются оба названия: ⟨с. Глогово, ст. Измалково, Орловской губ.⟩.

² Отвечая на такое же обращение Горького, который просил разрешения перепечатать старые бунинские переводы из А. Цатуряна и А. Исаакяна в петроградском сборнике армянской литературы, Бунин писал 10 октября 1915 г.: «Дорогой Алексей Максимович, эти „переводы“ с армянского, — думаю, что именно эти, так как иных у меня, кажется нет, — просил у меня для перепечатки в подобном же сборнике Брюсов, приступал несколько раз, с непонятной для меня настойчивостью, но я остался „тверд, спокоен и угрюм“, ибо, принимая во внимание давность этого дела, предполагал, что сделано оно плохо. Теперь вижу, что я не ошибся, — стихи точно неважные, в чем повинны оба — и автор, и переводчик. Как же мне быть теперь? Если соглашусь на вашу просьбу, люто обижу Брюсова и напечатаю то, что не следует печатать. Если не соглашусь — вы рассердитесь... Решаю так: да будет воля ваша» («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 80). В «Сборнике армянской литературы» (изд. «Парус», Пг., 1916) и в «Поэзии Армении» были перепечатаны оба бунинских перевода.

47. БРЮСОВ — БУНИНУ

Москва, 1 Мещанская 32,
13 сентября 1915

Дорогой и многоуважаемый Иван Алексеевич!

Очень вы нас огорчили запрещением перепечатывать ваши переводы из армянского. Настойчиво, со всей искренностью, повторяю, что переводы эти очень хороши. Если хотите, мы доставим вам подстрочные переводы оригиналов, дабы вы могли убедиться, как близко вам удалось передать подлинник, сохранив все его краски. Хочется верить, что вы еще «переложите гнев на милость».

Сегодня, пользуясь вашим добрым разрешением, высылаю вам стихотворение Дуриана¹, — одного из самых значительных поэтов среди турецких армян, — в надежде, что вы захотите передать эти стихи по-русски. Перевод, может быть, слишком буквален, но вы, конечно, угадаете, что скрывается под этими неумелыми прозаическими строками, в которых переводчику не удалось выразить сжатой силы оригинала. Размер подлинника — нечто вроде нашего 4-стопного ямба, с одними мужскими рифмами (по-армянски ударение всегда, — точнее, почти всегда — на последнем слове).

Извиняюсь, что отвечаю вам с опозданием: среди причин того — и мое длительное нездоровье.

Дружески преданный вам Валерий Брюсов

Ответ на п. 46.

¹ Петрос Дуриан (1851—1872) — родился в бедной семье константинопольского армянина, учился в народной школе, познал тяжелую нужду, писал пьесы и пытался выступать на сцене, более всего известен как автор лирических стихотворений; ранняя кончина оборвала все его многообещающие начинания. «Юноша Дуриан остается в истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов он показал, что значит в творчестве „темперамент“, сила непосредственных переживаний, часто не только заменяющих „школу“, „технику“, но и безмерно возвышающихся над ними <...> В этом — историческое значение творчества Дуриана, особенно важное и именно для поэзии „турецких армян“, последующие деятели которой порой грешили излишней выдержкой, клонясь к холоду парнассизма и ставя себе идеалом его „непогрешимость“» (Валерий Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк. — «Поэзия Армении». М., 1916, стр. 69). Перевод из Петроса Дуриана Буниным не был исполнен. Поэзия Дуриана в антологии представлена переводами Брюсова, Бальмонта и Е. Сырейщиковой.